

Общественное большинства

13.

**ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
«ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА»
НЕ ЗНАЧИТСЯ В УТВЕРЖДАЕМОМ ВАК
«ПЕРЕЧНЕ ВЕДУЩИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ
И ИЗДАНИЙ»**

Издатель не взимает с авторов деньги за публикацию

**ВЫСОКОЕ НАУЧНОЕ КАЧЕСТВО ПУБЛИКАЦИЙ
ГАРАНТИРУЕТСЯ**

**Интернациональный университет трудящихся
и эксплуатируемых (Рабочий университет)**

Общественное большинства

13.

Москва. Август 2015

Периодическое издание
Общественное большинство. Выпуск 13. — М.:
Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет). Август 2015. 67 с.

Общее руководство изданием - Б.В.Ракитский

***Коллегия главных редакторов
отдельных выпусков:***

***М.Д.Мандель
Б.В.Ракитский***

**Главный редактор выпуска №13
Б.В.Ракитский**

© Авторы статей

© Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет), 2015

Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет)
Россия 119361 Москва Озёрная улица 25 - 287
E-mail university-w@yandex.ru; brakitskiy@yandex.ru
Сайт ШТДР **www.shkolatd.ru**

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА 13

Рябов Пётр Владимирович ТЕОРИЯ КЛАССИЧЕСКОГО И СОВРЕМЕННОГО АНАРХИЗМА: ПОПЫТКА КОНСТРУКТИВНО- КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	5
<i>I. «Философия пробудившегося человека»</i>	<i>6</i>
<i>II. Анархизм: сегодня, здесь, сейчас</i>	<i>17</i>
<i>III. Современный анархизм: соотношение</i> <i>теории и практики</i>	<i>27</i>
Гусев Алексей Викторович ИДЕЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДВИЖЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ	36
Ракитский Борис Васильевич ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ВЫРАБОТКЕ ЦЕЛОСТНОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕ И ЧЕЛОВЕКЕ В ОБЩЕСТВЕ (ТО ЕСТЬ О ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ КАК ФОРМЕ БЫТИЯ)	46
<i>Ареал целостности, которая подлежит</i> <i>изучению, — не общество, а человечество ..</i>	<i>46</i>
<i>Правомерно ли делить реалии бытия</i> <i>человечества (и общества, и личностей) на</i> <i>материальные и нематериальные, объектив-</i> <i>ные и субъективные и к тому же противо-</i> <i>поставлять их? А если правомерно,</i> <i>то для чего?</i>	<i>48</i>
<i>Целостный подход как методология,</i> <i>позволяющая выработать целостное научное</i> <i>знание об обществе и человеке в обществе</i> <i>(то есть о человечестве как форме бытия) ..</i>	<i>55</i>
— Выбор методологии	55
— Целостный подход. Принципы целостного контекста и актуального целостного контекста	57

— Целостный подход. О детерминизме, свойственном целостности	61
<i>Следствие первое. Недопустимость метода «клеточки» как исходного пункта выработки и изложения целостного научного знания об обществе и человеке в обществе (то есть о человечестве как форме бытия)</i>	<i>62</i>
<i>Следствие второе. Недопустимость так называемого междисциплинарного подхода при выработке целостного научного знания об обществе и человеке в обществе (то есть о человечестве как форме бытия)</i>	<i>64</i>
<i>Следствие третье. Необходимо крайне осмотрительно отнестись к системному подходу. Минимальные условия тождественности целостного и системного подходов ...</i>	<i>65</i>
<i>Следствие четвёртое. Проблема достижения соответствия меры необходимой и достаточной целостности знания и меры его необходимой и достаточной практичности</i>	<i>66</i>

<u>Библиотека</u>	
<u>обществознания большинства</u>	35; 45; 67

Рябов Пётр Владимирович
кандидат философских наук,
доцент Московского педагогического
государственного университета,
участник Автономного Действия

ТЕОРИЯ КЛАССИЧЕСКОГО И СОВРЕМЕННОГО АНАРХИЗМА: ПОПЫТКА КОНСТРУКТИВНО-КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

Я попытаюсь в этой статье² лишь контурно и предварительно наметить направление решения следующих основных задач: обозначить место анархизма в мировой культуре, философской традиции и истории освободительного движения; напомнить о некоторых полузабытых аксиомах анархической мысли и о либертарных практиках анархизма; отметить нарастающую актуальность многих анархических постулатов в современной ситуации³; при этом, вовсе не стремясь отстаивать и рекламировать честь «анархического мундира», я хотел бы указать и на некоторые, нуждающиеся в самокритике и обновлении, наиболее принципиальные пробелы и противоречия в анархической мысли.

1 Один из ключевых докладов Первого научно-практического семинара памяти Г.Я.Ракитской «СОБСТВЕННОЕ КЛАССОВОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПРОФСОЮЗНОГО И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ» 20 февраля 2015 в Москве. Доклад был опубликован отдельной брошюрой и роздан участникам семинара.

2 При создании этой статьи автор активно использовал материалы из ряда своих ранее написанных сочинений по данной теме. Однако для данной публикации он подверг их переработке и новой редакции.

3 Что характерно, о возвращении анархических идей и практик из маргинального состояния в контекст философской и социальной актуальности ныне пишут и говорят даже многие авторы, вполне далёкие от анархизма. См., например: Кустарёв А. Мать порядка — анархия. // Неприкосновенный запас. № 5 (67), 2009, Сс.55-61; Фрумкин К. Актуальность анархизма. // Новый мир, № 5 (1069), 2014, Стр.136-149.

«Философия пробудившегося человека»

Нынешний всеобъемлющий кризис и порождаемая им ситуация тотальной нестабильности и неопределённости делают казавшееся недавно незыблемым – шатким и ненадёжным, а казавшееся утопичным и невозможным – реальным и жгуче актуальным, превращают забытое старое в злободневное новое. Возможный крах всей существующей системы ценностей, представлений и институтов заставляет многих обратиться к таким учениям и движениям, которые принципиально находятся вне этой системы, отрицают её и уводят за её пределы. Вновь становится актуальным призыв французских бунтарей 1960-ых годов: «Мы должны стать такими же радикальными, как сама реальность!» Все составные элементы сегодняшней общественной жизни взаимосвязаны: капитализм и бюрократизм, индустриализм и урбанизм, потребительские ценности и массовая культура, милитаризм и патриотизм. (Яркий пример: атомная энергетика, угрожающая природе, обслуживающая нужды военного комплекса и тесно связанная с крупной промышленностью).

Философией и движением, безусловно отрицающим всю эту Систему, подвергающим её всеобъемлющей критике и предлагающим альтернативу для личности и общества, является анархизм. Анархическое движение сегодня достаточно маргинализировано, находится на периферии массового внимания (как и всякое проявление живой, спонтанной, неподконтрольной общественной жизни). И лишь события, подобные декабрьским бунтам 2008 года в Греции (когда в ответ на убийство полицейскими подростка анархиста тысячи анархистов вышли на улицы, громя банки и полицейские участки) выводят его на авансцену. В анархизме очень существенно начало отрицания («Дух разрушающий есть дух созидающий», — говорил Бакунин). Но это творческое отрицание конструктивно: отрицая власть, мы предлагаем взамен самоуправление, отрицая жалкие игры в «реальную политику», предлагаем иную, более человеческую реальность, отрицая тюрьмы, армию, индустриальную

цивилизацию, буржуазную конкуренцию, неравенство, массовую культуру, мы предлагаем взамен – общество солидарности и свободы, федерацию самоуправляющихся общин, коллективов и индивидов.

Что же такое анархизм? Чем он является и чем не является? И что такое анархия? Можно определённо сказать: анархия – *не* беспорядок, *не* идеология партии, *не* бесплодное мечтание фантазёров. Анархия – это не хаос, а гармоничное общество свободных личностей. Общество не дезорганизованное, а просто организованное на иных, невластнических началах и состоящее из людей, движимых иными ценностями. Анархизм же можно понимать в нескольких смыслах: как социальное учение со своим идеалом общества, как философское мировоззрение со своей системой ценностей (в центре которых личность и её свобода), как субкультуру и движение с определённым набором личных и общественных практик и дискурсов. Разумеется, одно тесно связано с другим, поскольку «вера без дел мертва». Анархизмом нельзя «заниматься»; можно *быть* анархистом, исповедовать и проповедовать анархизм, активно способствуя всему тому, что пробуждает в людях человеческое достоинство и закладывает кирпичики общественного самоуправления – вне, помимо и против власти. Важен принцип: мыслить глобально, действовать локально. Выдающийся русский анархист первой трети XX века Алексей Боровой назвал анархизм «романтическим учением с реалистической тактикой» и «философией пробудившегося человека».

Анархизм существовал на протяжении всей известной человеческой истории. В различные эпохи мы находим стихийные порывы народных масс к самоуправлению, безвластию и построению общества без насилия, иерархии и принуждения, стремление личности к обретению максимально возможной свободы. Греческий полис (в котором государство не существовало отдельно от общества и все вопросы решались на народных собраниях) и исландский тинг (народное собрание), сельские и городские общины Средних веков и коммуны Нового времени (например, толстовские коммуны, израильские кибуцы или

индийский Ауровиль), религиозные движения духоборов и анабаптистов, рабочие Советы в России в 1905 году или в Венгрии в 1956 году — вот лишь немногие, несовершенные, но вполне реальные примеры массового анархического творчества «снизу». Параллельно развивалась многоликая и пёстрая анархическая мысль: от отдельных мечтаний поэтов и философов до развёрнутых и продуманных учений. Вот далеко не полный перечень имён и течений: китайские даосы, греческие софисты и киники, анархические пророки раннего и средневекового христианства (например, русский еретик XVI века Феодосий Косой), Франсуа Рабле, диггеры Английской революции XVII века...

В современном виде анархизм оформляется, осознаёт себя как один из ответов (наряду с либерализмом, консерватизмом и государственным социализмом) на вызовы эпохи модерна: с утверждением индустриально-буржуазно-бюрократической цивилизации, с надеждами и разочарованиями, порождёнными Великой Французской Революцией, с бурным ростом самосознания личности. Два основных состояния общества последних трёх веков гениально зафиксировал Томас Гоббс: или всеобщая буржуазная «война всех против всех», взаимная конкуренция, или же Левиафан всеобъемлющего отеческого государства, отнимающего у людей свободу в обмен на безопасность. Слова Бакунина: «Свобода без социализма – это привилегия и несправедливость. Социализм без свободы – это рабство и скотство», — во многом задают вектор анархической мысли. Мы, первые анархисты конца 1980-х годов, уже хорошо знали, что являет собой «социализм без свободы» и догадывались о том, что нам вскоре преподнесёт «свобода без социализма». Анархизм (либертарный социализм) пытается найти свой «третий путь» между Сциллой государственного социализма и Харибдой капитализма. В своей борьбе против Государства и Капитала анархисты подчёркивают глубинное тождество власти и эксплуатации как двух сторон насилия над человеком. «Вертикали власти» анархизм противопоставляет «горизонталь общества» и развитую свободную личность, осознавшую свои права и готовую сотрудничать с другими.

Другой важный принцип был сформулирован Пьером Жозефом; Прудоном: «Анархия — мать порядка!» Все принимают эти слова за нелепость и насмешку. Однако это парадоксальная истина: без свободы нет подлинного порядка; лишь децентрализованное общество, построенное, как сейчас говорят, «по сетевому принципу», может быть прочным и человечным, тогда как порядок, основанный на государственном насилии и страхе — бесчеловечен и ненадёжен.

Важно не смешивать (как сплошь и рядом бывает) государство и общество. Человек может жить вне государства, но не может обойтись без общества. По словам американского анархиста Б.Таккера, государство и общество едины в той же мере, в какой едины ягнёнок и волк, который этого ягнёнка скушал. Как известно, всякая власть развращает человека, абсолютная же власть развращает абсолютно (вспомним хотя бы Кольцо Всевластия у Толкиена). Государство стоит на страже интересов эксплуататорских классов, порождает патриотизм и войны, разделяет людей границами, поработачивает человека. По словам Бакунина: «Добродетельное государство — это слабое государство, да и оно преступно в своих намерениях». Поэтому свободная личность, сильное общество и всё более слабое государство — вот за что мы выступаем.

Базовые принципы анархизма: федерализм, свободный договор, взаимопомощь, прямая демократия (в противовес представительной) и прямое действие. «Прямое действие» означает осуществление человеком своих прав явочным порядком, не через посредников и представителей. Актами прямого действия являются захват работниками своего предприятия или же явочное осуществление свободы слова и шествий. (Этот принцип — DIY — do it yourself (сделай сам) — например, является фундаментом всей панковской субкультуры). Не ждать, когда добрые дяди политики позаботятся о своих подопечных, а действовать самим — вот суть прямого действия. В принципах прямого действия и прямой деиократии реализуется чрезвычайно важная для анархистов идея неразрывного единства целей и средств.

Нельзя освободить человека через порабощение и диктатуру, нельзя придти к ликвидации государства через его усиление (как предлагал Маркс, пророчески раскритикованный Бакуниным в 1870-е годы). Поэтому анархия для нас — это не только далёкий идеал, но и наше повседневное сопротивление, практика нашего движения: вегетарианство (гуманное отношение к природе), феминизм (отрицание патриархата), выстраивание собственного движения не по «вертикали», на началах представительства и централизма, а на основе горизонтальных связей и общих собраний. Анархизм — это непрерывный диалог, творчество, поиск, открытость всему человеческому, а вовсе не очередной «изм», застывший в самодовольной инерции, нетерпимый и знающий «как надо» и «как будет».

Влияние анархизма на социальную историю и культуру двух последних столетий огромно. Анархизм сформировал ряд идейных концепций, движений и субкультур, оставил отпечаток в литературе и искусстве, поднял вопросы о свободе, самоуправлении, критике эксплуатации, иерархии, отчуждения, технократии. Вот лишь несколько имён, фактов и событий, взятых почти наугад. Анархисты играли видную роль в Международном Товариществе Рабочих (Первом Интернационале), в Парижской Коммуне, повстанческих движениях Италии и Испании, Мексиканской Революции начала XX века. Автор великой песни «Интернационал» Эжен Потье был анархистом. Первое Мая — Международный день солидарности трудящихся отмечается в память о казнённых в Чикаго в 1886 году рабочих анархистах, боровшихся за восьмичасовой рабочий день. Анархисты преобладали в русском народничестве, сыграли решающую роль в Испанской революции 1936-1939 годов и во всемирной революции 1968 года, в Великой Российской Революции 1917-1921 годов (достаточно вспомнить Махновское повстанческое движение или Кронштадтское восстание 1921 года), в современном альтерглобалистском движении. Италия и Испания, Швейцария и Франция, США и Аргентина, Россия и Германия, Китай и Япония знали за последние столетия профсоюзы и восстания, коммуны и кооперативы, экологические и феминистские движения под чёрно-

красными флагами (чёрный – цвет свободы, красный - цвет солидарности).

Без влияния анархизма трудно представить себе философию экзистенциализма (анархизму симпатизировали Камю и Сартр) и Франкфуртской школы, искусство сюрреалистов, многие контркультуры, современную философию науки (упомяну лишь «эпистемологический анархизм» Пола Фейерабенда и бурно развивающуюся ныне синергетику – учение о самоорганизации в природе и обществе). Мало кто знает и о том, что поэты Перси Биши Шелли, Оскар Уайльд и Уолт Уитмен, писатели Ярослав Гашек, Франц Кафка, Михаил Осоргин, Генрик Ибсен, Лев Толстой, Урсула Ле Гуин, художники Камилль Писарро и Казимир Малевич, философы Мартин Бубер, Ноам Чомски и Василий Налимов связаны с анархизмом... Всё это как-то не вяжется с карикатурным расхожим образом анархиста – погромщика и пьяного матроса.

Идеи анархизма столь привлекательны, что стратегия власть имущих в отношении анархизма всегда сводилась к четырём способам борьбы. Первый – музеификация: попытка представить анархизм в виде музейного «экспоната» из далёкого прошлого. Второй – коммерциализация: превращение анархизма в попсовую фразу, значки, брэнды, ходко идущий товар, утрачивающий своё революционное содержание и всякий смысл. Третий – клевета: отождествление анархизма с бессмысленным насилием или маниловским прожектерством, обвинение его в деструктивности и утопизме. Четвёртый – замалчивание: игнорирование анархизма, не снисходящее до полемики с ним по существу.

Остановлюсь лишь на обвинении анархизма в несбыточности и утопизме. Прежде всего, никогда не следует говорить: «этого не будет», «это невозможно». Всего несколько столетий назад рабство (а чуть раньше – и канибализм) казались столь же естественными и неизбежными, сколь нам сегодня кажутся естественными и неизбежными государство и капитализм. Кроме того, поражает «неумираемость» анархизма: самые разные люди и движения, в разные эпохи (часто независимо друг от друга)

воскрешали из небытия его принципы: свободу, спонтанность, федерализм, самоуправление, свободный договор. Значит, он, по меньшей мере, столь же не чужд человеческой природе, как и холопство, стремление к господству и конкуренции. В людях есть всякое: и святое, и грешное. Человечество породило и Сократа и Нерона, и Пол Пота и Бакунина, и Гитлера и Корчака, и империи и бунтарей, эти империи разрушающих.

И, наконец, самое главное. Пусть анархизм – утопичен. Но давно пора реабилитировать слово «утопия», как синоним мечты, надежды, идеала. Отказ от утопий, от сопротивления, от отрицания нынешнего постыдного состояния, радикальный антиутопизм современных людей (убеждённых в том, что «благими намерениями вымощена дорога в ад» и «от нас ничего не зависит») – ведёт к катастрофе. Человек, отказывающийся от попыток стать субъектом истории или творцом своей судьбы – неизбежно становится объектом манипуляций и пушечным мясом в корыстных руках политиков. Вера в то, что «всё будет так, как есть, иначе быть не может» — одна из самых опасных иллюзий, и очень выгодна власть имущим. Анархизм по своей сути антипартиен и антиполитичен, ибо он борется не за захват власти, а за смену правил игры – за уничтожение политики, как сферы властных отношений, за прямую демократию (а не за представительную, в которой всё решают чиновники и депутаты, будто бы представляющие интересы избирателей).

Уничтоженный большевиками в 1930-е годы, анархизм начал возрождаться в СССР в 1987-1988 годах. Крупнейшие организации российских анархистов: Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС; 1989-1991 годы), анархо-экологическое движение «Хранители Радуги» (расцвет его приходится на 1990-е годы), «Автономное Действие» (возникло на рубеже 2000-го года и действует до сих пор).

В августе 1991 года анархисты построили две баррикады у Дома Советов, участвовали в санитарной дружине в октябре 1993 года (помогая всем жертвам конфликта), занимаются восстановлением усадьбы Бакунина в селе Прямухино под Торжком, активно боролись против обеих Чеченских войн, проявляют активность в студенческом,

феминистском, антимилитаристском, рабочем движении, создают свои кружки, библиотеки и лектории для самообразования, снимают фильмы, выпускают немало журналов, газет и брошюр. Десятки экологических лагерей протеста, фестивали «День Де-зертира», «Чёрный Петроград» и Либертарные Форумы, сквоты, проекты движений Food not bombs (Еда вместо бомб; раздача еды бездомным и антимилитаризм), «Критическая масса» (акции велосипедистов против засилья автотранспорта), лагеря протеста «Нет границам», медиаактивизм в Интернете, драки с фашистами на улицах, несанкционированные властями шествия, попытки создания коммун и профсоюзов, участие в рабочих выступлениях и протестах против «точечной застройки», группы Анархического Чёрного Креста (помогающие арестованным анархистам и социальным активистам), концерты музыкальных групп — всё это будни сегодняшнего российского анархизма, ставшего частью мирового анархического движения. Растёт мартиролог наших товарищей, среди которых и анархист Илья Бородаенко, убитый фашистами летом 2007 года во время ночного нападения на антиатомный экологический лагерь протеста в Ангарске, и журналистка Настя Бабурова, застреленная 19 января 2009 года в центре Москвы вместе со Стасом Маркеловым. Между властью и обществом, между трудом и капиталом идёт настоящая война, и мы, анархисты, в этой войне не прячемся за чужие спины. Пока наше движение не очень многочисленно: несколько сотен активистов, несколько тысяч эпизодических участников в полусотне городов России. Многие анархисты не входят в какие-либо организации или движения, но проявляют себя в различных инициативах и проектах. В движении нет формальных лидеров и центральных органов: всё решается на общих собраниях, съездах, конференциях (при этом мы стремимся к консенсусу, и меньшинство не обязано выполнять решения большинства, но не должно им препятствовать).

Многое мы заимствуем из западного опыта (поскольку там либертарная традиция не была насильственно прервана): многие идеи, формы организации, «автономизм» как субкультуру, альтерглобалистскую проблематику,

рефлексию на темы вегетарианства и феминизма. Однако Россия – страна, вся история которой представляет собой войну государства со своим народом. Это страна, породившая величайших тиранов (начиная с Ивана Калиты и Ивана Грозного и кончая Петром Первым, Лениным и Сталиным), страна, где государство насаждало сверху то крепостное право, то петербургскую бюрократию, то буржуазию и военную индустрию, то большевистский тоталитаризм. Естественно, что именно Россия, в качестве противодействия государственному деспотизму породила и Разина, и огромные казацкие бунты за волю, и трёх великих теоретиков анархизма (Бакунина, Кропоткина и Толстого), и Революцию 1917-1921 годов, во многом анархическую по своим импульсам и устремлениям, и поэта-диссидента Юрия Галанскова, призывавшего: «Идите и доломайте гнилую тюрьму государства!». В этом смысле современный российский анархизм возвращается к традициям народного и интеллигентского сопротивления государственному гнёту. Масштаб вызовов современности порождает масштабность, глубину и радикализм анархической критики: индустриализма, сциентизма, технократизма, бюрократизма, сексизма.

К кому обращаются сегодняшние российские анархисты в своей борьбе? К отдельным личностям. Поскольку общество расколото, перемолото в мясорубке сталинского террора и либеральных «реформ» девяностых годов, «атомизация» — ключевая характеристика массового общества. Нет развитых горизонтальных связей, нет коллективного самосознания, нет низовых самоуправляющихся институтов взаимной поддержки (вроде общины – к которой могли апеллировать анархисты ещё сто лет назад). Каждый сам по себе, каждый спасается и выживает в одиночку. Есть лишь «тусовки» и субкультуры. Анархизм не может, к несчастью, апеллировать сегодня к обществу, поскольку его ещё нет, его ещё предстоит создать вновь в процессе борьбы и самоорганизации: из компаний друзей, из кружков самообразования, профсоюзных и антифашистских групп, коммун и сквотов, экологических инициатив, музыкальных и поэтических сообществ.

Анархическое движение очень быстро обновляется: многие, «остепенившись» и «обломавшись», уходят заводить семью и делать карьеру. Движение довольно пестро по составу участников. В нём много молодёжи (пришедшей из панковской и хипповской субкультур, под песни Летова и Кинчева: «Убей в себе государство!» и «Красное на чёрном»), но есть и «цивильные» люди «сильно за тридцать». Анархисты обречены на тотальную конфронтацию с нынешним, смертельно больным обществом, где, по Эриху Фромму, люди живут по принципу «иметь, а не быть», где преобладают конформизм, авторитаризм и потребительство. Господствующие ныне императивы: стремление к власти и подчинению, а не к свободе; к индивидуальной выгоде и конкуренции, а не к коллективному сопротивлению и солидарности; к обезличенности и потребительству, а не к творчеству и личной ответственности – враждебны анархизму. Анархизм сегодня растёт из экзистенциального романтического протеста, из чувства удушья и унижения, из остатков человеческого достоинства, из рудиментарных инстинктов взаимопомощи и социальности. Пока ещё люди способны объяснить прохожему на улице «как пройти туда-то», не прося за эту услугу денег, пока друзья собираются на кухне обсудить важные жизненные проблемы не по приказу свыше, пока многие люди стремятся уклониться от военной службы или протестуют против вырубки деревьев под окном – стихия анархизма ещё жива.

Сейчас центр тяжести в анархической деятельности – не только в России, но и во всём мире – сместился с теории на индивидуальные и социальные практики, выбор и реализацию определённых жизненных стратегий. В основном анархисты сейчас обороняются, реагируют на действия властей: сопротивляются полицейскому произволу и разгулу фашизма (официального и уличного), борются против увольнений, точечной застройки и строительства экологически вредных предприятий, милитаризма, эксплуатации на рабочих местах, оболванивающей пропаганды. Сегодняшние анархисты – бунтари, интуитивно пытающиеся наощупь строить свой мир, искать единомышленников. «Теорию» им часто заменяют

исторические экскурсы, красивые лозунги, эмоциональные порывы. Попытки теоретического осмысления, рефлексии настоящего и собирания фрагментов своей «утопии», фрагментов опыта сопротивления, увы, сегодня отстают от практической борьбы. (О чём подробнее в третьей части статьи).

Анархизм зарождается в личности (в личном бунте, личном порыве к свободе) и – переходит на общество. Ибо нельзя быть вполне свободным среди рабов, быть свободным в концлагере. Свобода «внутренняя» требует внешнего – всеобщего и тотального – освобождения. «Быть свободным и освободить других» — так формулировал своё кредо Бакунин. А сочувствовавший анархизму Альбер Камю утверждал, что свободному человеку не нужны рабы – ему нужны такие же свободные братья и сёстры. Анархисты пытаются не как-нибудь устроиться в жизни, но переустроить жизнь на совсем иных началах. Но – и это один из парадоксов анархизма – свободу нельзя навязать другим силой, диктатом, преподнести в готовом виде. О ней можно свидетельствовать, за неё можно бороться и выстраивать свой мир, альтернативный существующему. Поэтому бессмысленно спрашивать анархистов: «а что вы будете делать, если вы придёте к власти?» Спросите лучше себя: устраивает ли вас ваша жизнь. Наша цель – не захват власти, а её разрушение внутри себя и вовне. И сделать это могут только все люди – свободно и сообща. Нынешний мировой кризис, возможно, таит в себе не только новые опасности, но и новые возможности.

II

Анархизм: сегодня, здесь, сейчас

Анархические мыслители всегда подчёркивали, что анархизм — не выдумка кабинетных доктринёров, не готовая законченная концепция и догма: анархия рождается из самой стихии Жизни, из стремления людей к свободе, из инстинкта самоосвобождения, «святого чувства бунта» (по Бакунину) или (по Кропоткину) – из спонтанного природного творчества и живой ткани социальности. Пока сохраняются остатки

социальности в атомизированном и конкурирующем обществе, пока сочувствие и солидарность не совсем ушли из культуры, пока хоть кто-то бунтует против несвободы — анархизм ещё жив.

Анархисты же лишь подмечают эту тенденцию, оформляют, осмысливают и развивают её. Но понятие об анархизме и анархии многозначно и запутано. Как всем известно, многие люди очень часто являются «стихийными анархистами», даже не зная об этом (как господин Журден у Мольера говорил прозой, не подозревая об этом). И, напротив, некоторые из тех, кто именуется себя анархистами, таковыми на деле не являются. Всякий «-изм» несёт в себе опасность вырождения в партийную догму, идеологию, истеблишмент, - и это позволило Бобу Блэку даже провокативно назвать «анархизм» «препятствием на пути к анархии». Но встаёт вопрос: кто определяет – кого считать, а кого не считать истинными анархистами, кого удостоивать этого звания, а кого от него отлучать? Как соотносится движение, именуемое себя «анархическим», и стихийная анархия, вырастающая из человеческой природы и социальности? Где те инстанции и критерии, которые помогут в этом разобраться? (Я уж не буду уходить в дебри различных бесконечных приставок и эпитетов к слову анархизм: анархо-индивидуализм, анархо-коммунизм, анархо-феминизм, анархо-экологизм и проч. – в их сложном соотношении друг с другом).

Понятно, что анархизм широк и по своему духу непартиен и недогматичен, не имеет своих священных коров и священных писаний, как у марксистов. Но где границы этой широты, за которыми исчезает всякая качественная определённость?

Проще начать с **апофатического** разбора: чем анархизм **не является**, а потом попытаться понять – чем же он всё-таки является. (Апофатическое богословие – учение, позволяющее определить Бога от противного, через то, чем он **не является**).

Итак, во-первых, очевидно, что анархия – это не хаос, не беспорядок. Это свободная и творческая упорядоченность,

спонтанная упорядоченность, самоорганизованная упорядоченность, — но упорядоченность.

Это, во-вторых, не только и не столько «музейный экспонат» и коллекция каких-то славных, но ушедших имён, учений, восстаний, движений, подлежащих сдаче в архив к изучению историков. Всё это есть, но нас, как живых, сегодняшних анархистов, не может устраивать музеификация анархизма. Мы как раз и пытаемся найти в нём нечто — живое, непреходящее, не умирающее, настоящее (даже если это настоящее — в прошлом). Лет семь назад студенты во Франции, бунтуя против политики властей, захватывали университеты и писали на стенах: «Читайте Бакунина!» То есть для них он — современник, и для меня тоже. Мертвящий гнёт традиции несовместим с духом анархизма.

В-третьих, анархизм для меня — это не просто красивая фраза и поза, модный бренд, футболка или сумка с буквой А в круге, хорошо продающаяся. Коммерциализация, опопсовление, как и музеификация, — ещё один из способов Системы умертвить, кастрировать анархизм, сделать его бесполезным, беспомощным, безмозглым, безвредным.

В-четвёртых, анархизм для меня — это не «идеология» (то есть, говоря словами Карла Маркса и Карла Мангейма, — «ложное сознание», партийная политическая доктрина, знающая все ответы на все вопросы и помогающая манипулировать людьми). Конечно же, анархизм в реальности сплошь и рядом оказывается всем этим — то есть и хаосом, и музейным экспонатом, и модным брендом, и идеологическим конструктом... Но, тут как в известном анекдоте про Армянское Радио. Его спросили: правда ли, что Пётр Ильич Чайковский был гомосексуалистом? И оно ответило: «Правда, но не только за это мы любим уважаемого Петра Ильича». Также и с анархизмом. Потому на нём и могут паразитировать дельцы, идеологи, от его огня греться музеификаторы и торгаши, на его фоне красоваться фразёры и позёры, что в нём — в самом этом слове, его энергетике, пафосе, духе, традиции, людях, идеях — есть нечто живое, настоящее, подлинное, вечное. Если угодно, — мифологическое. (Если под Мифом понимать изначальную смыслопорождающую реальность). Несмотря на все

извращения, искажения, вульгаризации, клевету власти, страхи обывателей и убожество многих, слишком многих последователей. Да, анархизм хорошо продаётся, да, к нему примазываются уголовники, безумцы и бандиты, да, он умертвляется в сотнях схоластических диссертаций и классификаций, подобно диковинному зверю, попавшему в холодные руки зоологов... - но всегда в нём остаётся и что-то сверх этого. Джордж Оруэлл констатировал, что никто не сделал так много для дискредитации социализма, как сами социалисты. Отчасти это относится и к анархизму.

Вопрос: что такое для нас, анархистов, анархизм, почему, с одной стороны, мы себя так называем, с другой, почему он так малозаметен, так неизвестен в современном Апокалипсическом мире, бьющемся в тисках бессмыслицы, унылого постмодернизма, государственного патернализма, технократизма, дегуманизации, экологической катастрофы? Иначе говоря, этот вопрос – хороший повод понять самих себя и окружающий нас мир. Мир, в котором господствует подчинение, а не самоуправление, потребление, а не творчество, иерархия, а не равенство, конкуренция, а не солидарность.

Одно ключевое слово – «Утопия». Утопия – это мечта, стремление изменить мир, сделать его человечнее, попытаться взять свою судьбу в свои руки. Анархист — это, прежде всего, «человек мечтающий», а не хомо экономикус либералов и марксистов и даже не хомо сапиенс. Радикальный антиутопизм — это главная катастрофа современного человека, чересчур конформистского и прагматичного, бескрыло расчётливого и пошло суетливого.

Когда-то, лет этак пятнадцать назад, я высказал несколько провокативный тезис, вызвавший бурные дискуссии среди анархистов: «Анархия – невозможна, анархизм – вечен!» Я хотел этим подчеркнуть то, что «Анархия» - как идеал, мечта, утопия, вектор, вечный горизонт движения, конечно, в полной мере неосуществима, но в высшей степени плодотворна и притягательна для человека, как северный полюс притягательна для магнитной стрелки, а анархизм, как личное исповедание, мировоззрение и социальное движение – есть вечное стремление к этому

горизонту, борьба за эту мечту, утверждение этих ценностей. Я и сейчас полагаю, что «анархизм», как «-изм», как «партийная идеология» — детище эпохи модерна (с безграничной и слепой верой в прогресс, науку, технику, в анархию, как конечный пункт назначения для человечества) — провалился. Но анархизм — как вечное стремление людей к свободе личности, как бунтарство, движение людей к самоорганизации, самоосвобождению, как синоним широкого мировоззрения, предлагающего альтернативу существующим ценностям, этичного и осознанного, — этот анархизм вечен и актуален.

Снова вернусь к анархизму, как радикально утопическому мировоззрению. Спрашивать: «Что есть анархизм сегодня, здесь, сейчас?» — значит спросить: что в нас, людях осталось от мечты, спонтанности, бунта, вдохновения, человечности, свободы? Можем ли мы ещё сегодня услышать друг друга и зов свободы в себе самих? По мере распада социальности под катком капитализма и тоталитаризма, на передний план в анархизме выходит личностное, экзистенциальное начало. «Мы» может отныне родиться только из осознавшего себя «Я» — по формуле Камю: «Я бунтую, следовательно, Мы существуем!» Сегодня нет общества, к которому можно апеллировать. «Атомизация» и означает предельную степень как взаимной отчуждённости, так и внутреннего конформизма и бессилия. И точкой отсчёта для анархизма, как никогда, становится личность. Он сегодня всё меньше — социальное учение и всё больше — личное исповедание, тотальная критика культуры и набор жизненных практик. Нет общины, как сто лет назад, нет большой семьи, клана, цеха, даже малая семья — в руинах, даже соседей по лестничной клетке мы не знаем или боимся. Социальность ныне надо строить с нуля, с ничтожных малых групп друзей («аффинитигрупп») и с субкультур.

Итак, для меня анархизм есть, в первую очередь, личностное мировоззрение (радикально ставящее под вопрос всю сегодняшнюю цивилизацию и предлагающее иные смыслы, ценности и ориентиры), во-вторых, вытекающая из него социальная Утопия и, в-третьих, воплощающее эту Утопию социальное движение, субкультура, стремящаяся

стать просто культурой, выходящая за рамки модерна, отвечающая на вызовы современности, собирающая фрагменты утопии воедино, развивающая либертарные дискурсы, социальные и индивидуальные освободительные практики.

Можно констатировать: да, сейчас невозможна победа дела свободы, человечество летит к чёрту, — и я склонен к такой, крайне пессимистической оценке ситуации. Но означает ли это, что свобода утрачивает свою ценность, что зло перестаёт быть злом, получает оправдание, означает ли это, что его не надо называть злом, надо в нём соучаствовать, не надо ему противостоять? Да, центр тяжести анархизма ныне переносится из сферы социального прогрессистского фатализма а la Кропоткин — в личностно-экзистенциальную плоскость (но: из «Я бунтую» вытекает: «Мы существуем», из творчества растёт сотворчество, из бытия — событие!).

И тут наш главный враг — мещанство, конформизм, бескрылость, отказ от заветной мечты и самостоятельной мысли, от романтизма и идеализма. Говорят: «Абсолютная свобода невозможна». Любят цитировать Ленина: «Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества». Допустим. Но из этой констатации можно сделать различные, противоположные выводы. Можно стремиться, жаждать этой абсолютной свободы, задыхаться без неё (как «Парус» Лермонтова неразумно стремится вдаль неизвестно зачем, себе на погибель — просто ему тесно в уютной гавани), раздвигать человеческие горизонты, крушить стены и срывать оковы. А можно, по Эриху Фромму, совершать «бегство от свободы» и набрасываться на любого, кто к ней стремится, как на опасного утописта и беспокойного смутьяна.

Анархизм призван реабилитировать мечту. А значит — надо отбросить суету и деловитость и преодолеть гипноз «реальности». Мечта не может быть на 100 % конкретной, реализуемой, иначе это не мечта. Мечта всегда трансцендентна миру. Утопия — значит: «не имеющее места», «не обременённое местом», не материальное, то есть «идеальное». Например, если девушка мечтает о Принце на

корабле с Алыми Парусами (как у Грина) – это Мечта. А если она мечтает выйти замуж за миллионера и купить двухэтажную виллу на Канарах — это уже не мечта. Нужно уметь трезво оценивать реальность, но уметь внести в неё идеал. При-землённость, конкретность убивают мечту. (Именно потому и «Анархия невозможна», что она — Мечта).

Но отказ от мечты убивает человека, поработывает его «реальности», лишает его жизнь смысла, превращает его из субъекта и личности в объекта, в пассивную жертву, в пушечное мясо в руках чуждых анонимных сил. Это же так унижительно: быть слепой игрушкой даже не в руках персонифицированных злодеев, а в руках каких-то абсолютно безликих, бездушных и бесчеловечных сил, к которым даже нельзя апеллировать и предъявлять претензии (как раньше богоборцы предъявляли претензии к своему Богу). Вот сейчас все говорят: «Кризис». Какой кризис? Кризис экономический, но, как нас учат и либералы и марксисты, экономика якобы лежит в основе всего современного общества. Значит, экономический кризис – кризис тотальный, фундаментальный, всеобъ-емлющий, анонимный, безжалостный, как Судьба в трагедиях моих любимых эллинов. Кризис без Альтернативы – это катастрофа и гибель. Поэтому мечта, утопия, реабилитация романтизма и разрыва со status quo, предлагаемые анархизмом, — это нечто в высшей степени реалистическое, практичное и необходимое, вопрос физиического и метафизического выживания.

Анархизм не гарантирует ни молочных рек с кисельными берегами, ни даже сорокапроцентного успеха. Но он гарантирует осмысленность и человечность существования – по формуле Булата Окуджавы:

«Может, и не будешь победителем,
Но зато умрёшь, как человек».

По мне, анархисты, осознанно рискующие жизнью и здоровьем в борьбе с фашизмом, военщиной, государством, — выбирают во сто раз более достойный путь, чем тысячи людей, посылаемых, как бараны, убивать и умирать в Чечню, Донбасс, Ирак, Афганистан, — тысячи людей, которые живут

и умирают по приказу, как заводные марионетки, так и не приходя в сознание, так и не став людьми.

Сейчас мне представляется, что анархизм сегодня так маргинален и фрагментарен (прорываясь то в последних куцых обрывках социальности и коммунитарности, то в разрозненных лихорадочных бунтах от-дельных личностей) даже не в силу клеветы со стороны властей и mass media (которая была всегда), и уж, конечно, не в силу его «неактуальности» (разве отчуждение, бюрократия, насилие, милитаризм, эксплуатация исчезли сегодня? – нет, они лишь меняют «кожу»), а именно в силу фундаментальной дегуманизации современного человека, его радикального антиутопизма, отказа от мечты, от достоинства, от утопии, от идеала, в силу его «прививок» от революции, от надежд, признания этого мира единственно возможным, а значит, и приемлемым – пока он ещё совсем не рухнул в Тартарары. В этом ловушка так называемой «реальной политики» - куда более не только отвратительной, но и фантастической, чем любой «утопизм»: ведь в рамках данного порядка вещей выхода нет, мир обречён, Вызов не принят.

Но вспомним Ницше: «Всё, что меня не убивает, делает меня сильнее». Современный кризис даёт ещё один шанс – выбивая людей из привычной спячки и равновесия, ставя под вопрос Систему и её status quo, пробуждая личность к бунту, вызывая возмущение и стихийные протесты. Однако без осмысления, сочетания разрозненных отчаянных протестов, выработки единого мировоззрения, собирания утопии из кусочков,- эти протесты так могут и угаснуть, не дав плодов. Должна закипеть борьба – не столько в сфере «программ», сколько в сфере идеалов, смыслов и ценностей. Анархизм – дискредитированный его врагами и его приверженцами, оклеветанный, позабытый, дезориентированный, полупридавленный репрессиями власти и полудобитый всеобщим торжествующим мещанством – всё же растёт, как трава сквозь асфальт - из экзистенциального протеста оскорблённой личности, из попыток социальной самоорганизации людей, чаще всего и не подозревающих об анархизме, из разочарований в существующем, из попыток выйти за рамки убогой данности и собрать воедино всю критику, все

освободительные дискурсы и практики, попытаться нащупать третий путь между Сциллой буржуазной борьбы всех против всех и Харибдой Государственного Левиафана.

Анархизм всё больше перестаёт быть просто социальной доктриной или описанием какого-то «идеального общества будущего» и всё больше становится попыткой ответа на вопрос о смысле жизни. Хотим ли мы жить? Зачем нам это? В условиях Апокалипсиса становится особенно актуален не марксов образ революции, как «локомотива истории», радостно мчащегося вперёд, а образ Вальтера Беньямина, сравнивающего революцию со стоп-краном в поезде, несущемся в пропасть. В современном мире все виды зла и отчуждения глубоко связаны между собой: милитаризм, урбанизм, индустриализм, технократизм, потребительские ценности, патриархат, капитализм, авторитаризм, патриотизм, бюрократизм – и возможна и необходима только их всеобъемлющая бескомпромиссная критика. Их можно уничтожить вместе, разом – или невозможно уничтожить вовсе, ибо из уцелевших голов этой Гидры будут вырастать отрубленные.

Приведу простой пример. В современной России, допустим, какой-нибудь рабочий хочет бороться всего лишь за увеличение зарплаты на 100 рублей, или какая-нибудь общественно активная бабушка хочет бороться против вырубки двух деревьев под окном. И очень быстро они сталкиваются с этой Системой во всей её красе: суды – против нас, милиция – против нас, мафия – против нас, чиновники – против нас, газеты – против нас. И эта борьба за деревце под окном и за прибавку к жалованью может стоять рабочему или бабушке здоровья и жизни. Если рассуждать расчётливо, логически и рационально, – ни деревце, ни прибавка к жалованью не стоят жизни человека. И вот тут мы от вопросов материалистических выходим на вопросы метафизические – о смысле жизни.

Когда бунтари 1968 года в Париже вышли на демонстрацию, политики их спросили: «А чего вы хотите?» (И ожидали услышать: реформ, повышения зарплаты, расширения прав и пр.) Но те ответили: «Мы хотим *жить*». Сейчас, в нашем страшном мире фраза: «Будьте

реалистами, требуйте невозможного!» становится из красивого парадокса математически точной формулой. Спасение мира, преобразование человека представляется невозможным сегодня. Никаких компромиссов, вариантов: *Или-Или*, как у Кьеркегора. Как во всяких великих революциях прошлого сегодня – и больше, чем раньше, - метафизический вопрос о «Воле» неразрывно связан с вопросом о «Земле», вопросы религиозно-метафизические неотделимы от вопросов «шкурных», приземлённых и материальных.

Здесь следует остановиться ещё на одном важном вопросе – о природе человека. Раньше анархисты (как Кропоткин), верили, что человек «по природе» добр и безгрешен, и лишь «испорчен» государством, а консерваторы и либералы верили, что человек «по природе» плох и зол, и без государственного кнута ему не прожить. Мне же близок экзистенциальный взгляд на человека, как на «ещё не ставшее животное» (Ницше), у которого «существование предшествует сущности» (Сартр) и у которого «нет природы, но есть свобода» (Ортега-и-Гассет).

Когда государственники спорят с анархистами, они обвиняют нас в «идеализации» человека. «Человек недостоин свободы, раз он породил государство, войны, эксплуатацию, он должен быть в вечной опеке и на коротком государственном поводке», - говорят либералы, этатисты и другие. «Не судите о человеке, каким он может стать, по тому человеку, каким он является сейчас, — изувеченным государственным воспитанием, военной муштрой, пропагандой, разобщённым и деморализованным властью и церковью», — отвечал Кропоткин и другие.

Ну, допустим, мы, анархисты, «идеализируем человека», не видим в нём тёмных бездн и зверских импульсов. Вполне вероятно. Но лучше «идеализировать» его, чем оскотинивать. По-моему, человек — это бездна, в которой таятся тысячи возможностей. Свобода не гарантирует от бед и зла, но вне свободы невозможно добро. Ещё Штирнер говорил: не спрашивайте, что сделает узник, выпущенный из тюрьмы, что сделает ребёнок, повзрослев. Мы этого не знаем. Не дело анархизма предписывать и указывать, регламентировать и давать гарантии. Нельзя выстроить

всеобщую теорию личности и теорию свободы, ибо само существо свободы и личности состоит в их уникальности, непредсказуемости и недетер-минированности. Дело анархизма — освободить и устранить препятствия, а не строить новые казармы и моно-полизировать свободу.

И всё же — давайте посмотрим, к каким сторонам бездонной и бесконечной человеческой природы апеллируют различные мировоззрения и идейные течения? Какие люди собираются под их знамёна и возвращаются? Националисты и патриоты апеллируют в человеке — к стадности, зверству, нетерпимости, ксенофобии, страху, самодовольству, коллективному эгоизму. Либералы — к холодному расчёту, бухгалтерскому рассудку, высчитывающему выгоды и потери. Анархизм же стремится пробудить в человеке человека — личное, бунтарское начало, чувство собственного достоинства, взаимопомощи, солидарности, творчества. И этим анархизм привлекает людей, и это раскрывает в них, неся в себе мощный заряд энергии и подлинности: радикализм, романтизм, революционность. Он взывает к совести — в самом бессовестном, к личности — в самом безликом, к свободе — в самом несвободном человеке, вытаскивая это из людей, соединяя единомышленников, противостоя Апокалипсису.

Собрать расколотый мир воедино, поднять человека с колен, помочь ему обрести свободу, полноту и подлинность жизни, стать человечнее, выйти из космического одиночества, ответить на всеобъемлющий Вызов современности всеобъемлющим утопическим Ответом, утверждающим свободу как Цель и средство и Путь, противопоставляющим сущностный Диалог⁴ и нетерпимости фашистов, и терпимости либералов. Разве эта Утопия не прекрасна? И разве этот идеал не достоин того, чтобы ради него жить и, может быть, умереть?

III

Современный анархизм: соотношение теории и практики

4- Не случайно величайший философ диалога в XX веке Мартин Бубер был анархистом.

Однако: **1) Хватает ли современной анархической практике необходимой теории? 2) Актуальна ли сегодня классическая анархическая теория?**

Для краткости я сформулирую свою позицию в трёх тезисах в предельно заострённой и провокативной форме и выскажу небольшие пояснения к ним.

Итак, тезис первый. **Катастрофические вызовы современности не то что не получают ответов со стороны анархически мыслящих людей, но чаще всего — просто не рефлексировуются ими. Реальность не хочет ничего знать о нас и нашем анархизме, поскольку мы на деле ничего не хотим знать о реальности.** (Правда, замечу, это касается и почти всех других течений мысли — от либерализма до консерватизма и государственного социализма, ибо связано с общей ситуацией эпохи безвременья, концом модерна, крахом всех Больших Идей, Утопий, Идеологий, и само по себе является симптомом цивилизационной катастрофы, — но об этом позднее).

В прошлом, в свою героическую эпоху, анархизм был силён своей интегрированностью в культуру, связью как с массами (крестьянами, рабочими, народными религиозными движениями и пр.), так и с искусством, наукой, поэзией, философией, религией. Он был силён и широтой мечты, и фундаментальностью своей укоренённости в обществе. Сейчас же катастрофически ощущается нехватка анархической теории (а не просто «переелицовки» на новый лад старых схем, мифологем и лозунгов) и необходимость её кардинального обновления. Активисты анарходвижения почти полностью пренебрегают теорией, её изучением, развитием, уходя или: в герметическую субкультуру, или в безмозглый и бестолковый активизм, или в ритуальное повторение старых лозунгов. Поэтому либертарный дискурс почти не присутствует в общественном сознании. Для большинства анархистов активизм — способ решения каких-то личных психологических проблем (вроде самоутверждения), нечто ритуальное, не включённое в какую бы то ни было стратегию или оптику общего видения мира. Есть порой проблески индивидуального бунтарства, искры экзистенциального

протеста, — но без умения систематически думать, глобально мечтать, выстраивать мировоззрение и стратегию. Есть отдельные разрозненные либертарные практики — но они слабо осознаются, не последовательны, перемешаны с элементами авторитарного сознания — и оттого обречены на провал. Практика (минимальная) и теория (почти отсутствующая) существуют словно в разных мирах. Нет ни рефлексии, ни осмысленности. Наша деятельность, по преимуществу, имеет характер не критический, не отрефлексированный, ситуативный, характер реакции на какие-то злодеяния властей.

С теорией дело еще хуже. Если практика явно недостаточна, то теория заменяется заклинаниями столетней давности, историческими экскурсами, красивыми фразами, ритуальными произнесениями ничего не значащих ныне слов. Повторяю, сейчас анархисты действительно слабо связаны с культурной, научной, философской жизнью, очень слабо осмысливают окружающий нас мир. Слабо развита любознательность, умение думать своей головой (а не заученными клиповыми клише), мало кто знает наслаждение чистой и бескорыстной «теорией» (что, по-гречески значит — «созерцание»). И это одна из главных причин наших проблем. Для большинства анархистов характерны либо самодовольная субкультурность, либо замыкание в ситуативный активизм, часто разрозненный и малоосмысленный. Теорию заменила фраза или история. Так получилось изначально. Ведь в России анархическое движение времён Перестройки начинали, в основном, историки. И это логично: надо было доказать, что мы не верблюды, что Бакунин был прав в споре с Марксом, что Махно не был бандитом. Но уже четверть века прошло. Где сейчас анархические писатели, поэты, художники, драматурги, философы, экономисты, антропологи, социологи? Ну, историки есть, а все остальные — культурологи, экологи... С этим делом очень плохо. Да, есть какие-то разрозненные практики, отдельные бунтарские порывы, попытки самоорганизации, но хочу отметить, подытоживая свой первый тезис, почти полное отсутствие интереса у либертарно мыслящих людей к

мировоззренческой и философской проблематике, к теоретическим вопросам, полный отрыв теории и практики друг от друга при слабой практике и почти полном отсутствии теории. Приходится с горечью констатировать: сегодня у нас не то что почти нет новых значительных мыслителей-анархистов, теоретиков с Большой буквы, которые были бы способны развивать анархическое мировоззрение, но даже и у активистов-практиков (тоже немногочисленных) крайне невелик интерес к этому — словно люди разучились читать, думать, дискутировать. Теория считается чем-то ненужным, избыточным, какой-то роскошью. И почти предметом гордости для анархистов считается признание в собственном невежестве и отсутствии продуманных убеждений. То есть (вспоминая известный лозунг) «действовать локально» мы ещё кое-где и кое-как можем, а вот «мыслить глобально» - ну никак!

Второй тезис. ***Конечно, анархизм вечен, как стремление людей к самоорганизации, солидарности, свободе, преодолению власти и отчуждения. (Вспомним о киниках, даосах в древности как о первых анархистах и т.д.) Но как только мы переходим к конкретике анархизма – не к этим высоким и вечным идеалам, а как к детищу эпохи модерна, возникшему в конце XIX – в начале XX века, как к «изму», если угодно, как к некой партийной «идеологии» – то он потерпел крах вместе с эпохой модерна. И держаться за него в прежнем виде — это уходить от реальности, не желать знать того, что происходит в мире, замыкаться в удобной субкультуре, фразе, истории, догме.*** Это надо прочувствовать, осознать и преодолеть. Я очень люблю Бакунина, с громадным уважением отношусь и к Кропоткину, и к Прудону, но мир очень изменился за это время. Усилия по осмыслению окружающего нас мира, по включению анархизма в широкий контекст культуры совершенно необходимы. Держаться за анархизм классический – XIX века – делать вид, что ничего не изменилось, это значит уходить от реальности, превращать анархизм в секту, не желать знать, что мир стал совсем иным, замыкаться в субкультурной фразе и историческом

экскурсе при слабой практике. Необходимо развитие анархистского мировоззрения. Я потому так люблю заниматься творчеством Алексея Борового, что он, один из немногих, пытался превратить анархизм в широкое мировоззрение и ответить на вызовы времени - на крушение модерна, на тоталитаризм, на массовое общество, на развитие новых течений в философии, на новое кризисное сознание XX века, новое «трагическое чувство жизни». С другой стороны, необходимо наведение мостов анархизма с наукой, философией, религией, искусством. Необходимо осмысливать окружающий мир во всей полноте.

Приведу ряд примеров, которые близки мне как философу. Назову далеко не полный перечень – что под рукой: диалогическую философию Мартина Бубера, экзистенциальное учение о свободе и личности, социологию Франкфуртской школы с ее критикой индустриализма, технологической и сциентистской цивилизации, критику в учении Мишеля Фуко власти на микроуровне, критику общества потребления у Жана Бодрийяра, синергетику как учение о самоорганизации, «эпистемологический анархизм» Пола Фейерабенда. Вот некоторые имена, которые, боюсь, не всем известны и, что печально, не интегрированы, не включены в современную анархистскую мысль. Это далеко не полный список. Это, в основном, философы, а можно говорить о социологах, экономистах и других. Все это не осознается анархизмом. Попытки обновления анархистской теории, критического подхода единичны. При всем уважении к классикам – к Прудону, Бакунину, Кропоткину – это необходимо: «Не говори с тоской: их нет! Но с благодарностью: были».

Когда мы говорим об анархистской мысли, то, к сожалению, в ней преобладает дифференциация над интеграцией. То есть обычно возникает анархизм с приставками – анархо-примитивизм, анархоэкологизм, анархофеминизм, анархо-биокосмизм, анархоповстанчество и т.д. На Западе все-таки есть имена. Мы можем вспомнить Букчина, Горца, Зерзана, Боннано, Блэка, Хомского, Гребера, Гелдерлооса, еще кого-то. Но, во-первых, это уж не настолько, быть может, великие мыслители, а во-вторых, они

разрабатывали какое-то узкое направление или тему. Попыток синтеза не происходит, господствует своего рода специализация и мелкотемье. Но, слава богу, что хоть есть на Западе они, кого мы можем читать. Но и на Западе этого недостаточно, а в России с этим совсем плохо.

И последний, третий по счёту, тезис. Я хочу вернуться к тому, с чего начал. Это вопрос о том, насколько классический анархизм годится сегодня? Конечно, есть ряд пророчеств, гениальных идей у Бакунина, Кропоткина, Малатесты и других. Их надо знать, изучать, вдохновляться их смелостью и вольнолюбием. **Но надо понимать одну вещь, которая анархистами слабо осознается: мы живем в эпоху конца модерна. Анархизм, каким он был после Французской революции и до начала XX века, — это дитя модерна. Это была эпоха оптимизма, прогресса, слепой веры в науку, финалистские утопии, в анархическом мировоззрении преобладала мысль о конечном идеале. Сейчас мы живем в эпоху безвременья, когда рухнули духовные и идейные основания, которыми жило человечество от Возрождения до XX века. XX век — век катастроф. XXI век предвещает — в лучшем случае — «Новое Средневековье», а в худшем случае — «сумерки человечества». Мне кажется, это плохо осознается анархистами, чересчур поглощёнными историей. Здесь необходимо наведение мостов и строительство их дальше. Вне широкого контекста нельзя понять анархизм — пока мы говорим только об анархизме, пока мы не говорим о культуре, об обществе, о том, что происходит вокруг. Рухнул модерн, рухнула эпоха идеологий, партий, веры в прогресс, веры в науку, в технологии, в индустриализм, веры в то, что анархизм — это некая точка прибытия, финалистская утопия. Анархизм был частью великого потока мысли XIX века, некоторые квазирелигиозные основания которого были не отрефлекси-рованы. Сейчас все это рухнуло. Рухнул этот социокультурный контекст. И делать вид, что всего этого нет, что мы живем не в эпоху безвременья и постмодернизма, нельзя.**

Совершенно необходимо осмысливать новые реалии: хотя бы критику индустриализма, критику технократической цивилизации, размывание классовых реалий, которое происходит.

Невозможно сегодня говорить о классах по Марксу. Может быть, они есть, но в каком смысле? У нас нет даже инструментария для осмысления этого явления. Так возможно ли апеллировать к старой почтенной пролетаристской риторике? Правильно ли рисовать прежние карикатуры на буржуев в котелках и бездумно скандировать (как часто бывает) на демонстрациях: «Вперёд, вперёд, рабочий класс!»?

На мой взгляд, пусть моя мысль не всем будет близка, необходимо отказаться от финалистского представления об анархизме как некой точке прибытия, необходимо развивать анархизм в сторону мировоззренческого интегрированного синтеза различных либертарных освободительных идей, ценностей, критик и практик. (Цитируя самого себя: «Анархизм — вечен, анархия — невозможна!») Нужна не дифференциация, а интеграция. Не отдельные анархофеминизм, анархо-синдикализм, анархоэкологизм, анархопримитивизм и прочие эпитеты. Мы разные, но нужно искать точки общности. Это очень важно. Нужен синтез, а не только дифференциация.

И самое главное. Анархизм – изначально романти-чен. Это учение мечтателей, учение пафосное. Бакунин был пафосный человек. Сегодня слово «пафос» дискредитировано. Но давайте вспомним, что пафос, «патхе» по-гречески – страсть, страстность. То есть умение мечтать, умение порывать с настоящим. Сейчас этот романтический пафос анархизма, умение реабилитировать утопию, утрачен, его нужно возвращать. Старый, классический анархизм мог подпитываться пафосом, смыслами, энергией от того общего движения модерна, частью которого он был - от великого движения с его религиозной верой в прогресс, с верой в неизбежно хороший финал той сказки, которая зовётся человеческой историей, с верой в науку и разум. Сейчас романтический пафос анархизма нуждается в новых религиозных основаниях, ибо он гаснет среди бескрылого

прагматичного цинизма, всеобщего гнусного антиутопизма и постмодернистской усталости и безверия. А без романтического пафоса и радикальной мечты анархизм умирает, вырождается в схему, фразу, идеологию. Обывателя он не привлечёт (ибо ничего не сулит ему, кроме риска, осмысленности и полноты жизни), а герои давно вымерли в нашем мире. Оттого-то анархическое движение сегодня высыхает, как река, лишившаяся родников. И, говоря языком ситуационистов, мы должны снова стать такими же радикальными, как сама действительность (апокалипсическая).

Осознание того, что произошло с обществом, когда индустриальная цивилизация переживает закат, не говоря уже о доиндустриальной, — необходимо анархистам, как и всем, кто пытается что-то понять о нашем мире. Вот это осознание тотального и окончательного крушения модерна — делает невозможными попытки просто «косметического ремонта» классического анархизма (ибо во многом рухнуло и то общество, и та культура, и тот человек, к которым он апеллировал; скажем, в России самодержавие, крепостничество и мещанство, кое-как модифицировавшись, дожили до наших дней, но нет ни общины, ни интеллигенции, ни пролетариата, ни всего того, из чего рос наш старый анархизм).

Нужен акцент на персоналистическую составляющую анархизма. Это недоразумение, которое долго раздирало анархистов, хотя уже сто лет назад предпринималась попытка его преодолеть, — традиционное школьное деление на коммунистов и индивидуалистов, когда одни говорят только об обществе, а другие — только о личности. Как мы знаем, еще сто лет назад Эмма Гольдман, Боровой, «набатовцы» и другие пытались соединить эти идеи. Почему обязательно противопоставлять личность и общество? Мне кажется, что становится особенно важной экзистенциальная личностная составляющая анархизма в ситуации крушения социальности, но, разумеется, не в ущерб социальности. Социальность нужно создавать с нуля — вот в чем дело. И точкой отсчета является именно личность. Анархизм как широкое мировоззрение, апеллирует к личности, но личности

объединяются и создают новое общество. Вот, мне кажется, слабая попытка представить себе, каким может быть современный анархизм – очень далеко уходящий и от Бакунина, и от Кропоткина. То есть интеграция двух сторон анархизма – коммунистической и индивидуалистической. Штирнер во многом был непонят, утрирован, во многом эпатажно. Пришло время преодолеть эти противоречия, преодолеть сознание, что это взаимоисключающие вещи: индивидуалист – это непременно буржуазный богемный человек, которому наплевать на всех, а коммунист – человек, мечтающий о казарменном обществе. Понятно, что и то, и другое, по сути, анархизму чуждо. И Штирнер не хотел абсолютной войны всех против всех, и Кропоткин не хотел казарменного уклада. Так тем более мы, спустя сто лет, должны это понять и развивать и ту, и другую стороны анархистской мысли, преодолеть недоразумения и противоречия, которые были раньше.

Вот некоторые реалии – культурные, социальные, без осознания которых теория анархизма не может развиваться. И, прежде всего, само осознание необходимости теории. Для нас слово «теория» звучит презрительно, как некий привесок к идеологии. Преодоление идеологизма, партийности анархизма, связь его с широким культурным контекстом, смелость и радикализм мысли. Не бояться и стремиться осмыслить то, что происходит. Попытаться преодолеть субкультурное гетто и эту зависимость от бездумного активизма. Анархизм как мировоззрение, анархизм, отказывающийся от финалистской утопии. Осмысленность, рефлексия, синтез разных философских и культурных традиций. Акцент на экзистенциальной персоналистической составляющей. Осознание реалий современности, которых не было во времена Бакунина и Кропоткина – например, экологического кризиса. Но также – постмодерной ситуации в культуре, «экзистенциального вакуума» (говоря словами Виктора Франкла), тотальной атомизации, крушения социальности. Все это требует не перелицовки фасада, не легкой переделки старых учений столетней давности, а требует совершенно нового анархизма, которого нет, к сожалению. И как бы мы ни любили Прудона, Бакунина,

Толстого, Кропоткина, Малатесту, Гольдман, почти всё в теории и философии анархизма нам предстоит создавать заново.

**Библиотека
обществознания большинства⁵**

Ракитский Б.В.

Злободневные социально-трудовые проблемы России.
— Периодическое издание «Перспективы и проблемы России». Выпуск 47. М.: Институт перспектив и проблем страны. 2015. 91 с.

Гусев Алексей Викторович

**ИДЕЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА:
ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ ДВИЖЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ⁶**

Демократическое движение трудящихся, которому посвятила себя Галина Яковлевна Ракитская как теоретик и как практик, с самого начала было и по самой своей сути является движением за права и свободы. Следовательно, когда мы говорим об обобщении основных мировоззренческих принципов этого движения, то должны начинать именно с осмысления идей прав и свобод человека в их историческом развитии.

⁵ Рубрика «Библиотека обществознания большинства» — это продолжающийся перечень публикаций, которые редакция считает достойными внимания наших читателей.

⁶ Один из ключевых докладов Первого научно-практического семинара памяти Г.Я.Ракитской «СОБСТВЕННОЕ КЛАССОВОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПРОФСОЮЗНОГО И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ» 20 февраля 2015 в Москве

Что такое права и свободы? Это отражение *базисных универсальных потребностей человека* как общественного существа. Потребности бывают материальными и духовными, но их реализация требует прежде всего возможности их *выражения*. Поэтому движение за права и свободы исторически началось именно с борьбы за право и свободу человеческого самовыражения – возможность людей прямо и открыто добиваться удовлетворения своих потребностей. Это означало утверждение *личных, политических и гражданских прав и свобод* – слова, печати, собраний, союзов, совести, неприкосновенности личности и права участвовать в управлении общественными делами. Воплощению этих демократических прав положили начало великие революции конца XVIII столетия – Американская и Французская. В основе их признания лежала идея *равенства* людей — принцип, согласно которому все люди являются от рождения равными и должны иметь одинаковые, неотъемлемые возможности участия в общественной жизни. Если раньше права и свободы считались привилегиями господствующих общественных групп, то теперь они наделялись *универсальным, всеобщим характером*. Эти идеи базировались на концепции «естественного права», которую развивали мыслители XVII и XVIII веков — Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др., доказывавшие, что прав и свобод требует сама *природа человека*. Однако в Соединенных Штатах права и свободы все же не распространялись на чернокожих рабов, и только Французская революция впервые провозгласила их по-настоящему всеобщими. Нужно отметить, что среди них было и право на сопротивление угнетению, включая восстание против деспотизма, вошедшее впоследствии во Всеобщую декларацию прав человека.

Таким образом, народные революции положили начало *превращению человека в гражданина*, самостоятельного участника общественно-политической жизни. Но это было только начало. Утверждение демократических систем, в рамках которых только и возможна полноценная реализация политических и гражданских прав и свобод, оказалось очень

сложным и длительным процессом, который во многих странах мира не завершен и поныне.

Для трудящихся — наемных и самозанятых работников — борьба за политическую свободу изначально имела очень большое значение. Завоевывая гражданские права, они получали возможность влиять на государство и его политику, добиваться социальных преобразований в своих интересах. Во всех демократических революциях они выступали в качестве одной из главных движущих сил. А когда в XIX в. оформилось самостоятельное рабочее движение, оно включило расширение демократических прав и свобод в число своих главных требований. Речь шла, в частности, о борьбе за всеобщее избирательное право, за ликвидацию электоральной дискриминации рабочих (самый яркий пример этого — Чартистское движение в Великобритании). Социалистическое движение, опиравшееся на рабочий класс, тоже сделало демократизацию политических систем одним из центральных своих приоритетов. И Первый, и Второй Интернационалы, социалистические и социал-демократические партии рассматривали укрепление и расширение политических прав человека как предпосылку и условие улучшения социально-экономического положения трудящихся и движения к смене капиталистического строя социалистическим. В связи с этим социалистами широко использовалась метафора, определявшая политическую свободу как «воздух для дыхания», необходимый рабочим организациям (об этом, в частности, писали Фридрих Энгельс, Георгий Плеханов и другие лидеры социал-демократии, об этом говорилось в программных документах и декларациях социалистических организаций). Энгельс неоднократно отмечал, что, завоевав широкую политическую демократию, всеобщее и равное избирательное право, свободу агитации и пропаганды, трудящиеся с помощью этих средств смогут завоевать и «все остальное», то есть добиться радикальной трансформации всех общественных отношений, заложить основы социалистического общества. Термин «диктатура пролетариата», который иногда употребляется теоретиками социал-демократии, вовсе не означал их стремления к упразднению всеобщих

демократических прав и свобод и установлению новых политических привилегий — на этот раз для рабочих. Речь шла лишь о превращении трудящегося большинства населения в доминирующую социально-политическую силу посредством демократического процесса. Насилие считалось оправданным только как инструмент сопротивления деспотизму, утверждения демократии и ее защиты от посягательств со стороны эксплуататорских классов.

В общем, из всех политических сил XIX – начала XX веков именно социалисты, связанные с рабочим движением, являлись наиболее последовательными и решительными демократами, сторонниками максимального расширения прав и свобод человека. В этом они намного опережали либералов (чтобы убедиться в этом, достаточно, например, сравнить политические разделы программ российских социалистических партий – эсдеков⁷ и эсеров⁸ с аналогичным разделом в программных документах партии российских либералов – кадетов⁹).

Но рабочее и социалистическое движение не ограничивалось только борьбой за политические и гражданские права и свободы, которые обычно называют *«правами человека первого поколения»*. Оно выдвинуло идею расширения понятия прав человека, включив в эту категорию также социально-экономические и культурные права, которые в правовой теории именуется *«правами второго поколения»* или *«красными»* правами, что подчеркивает их связь с социалистическими идеями. Эволюцию идей прав и свобод человека можно рассматривать как развитие составных частей знаменитого лозунга Великой французской революции – «Свобода, равенство, братство». Права первого поколения воплощали главным образом принцип *свободы*, а права второго поколения исходили из принципа *равенства*.

Современные исследователи теории и истории прав человека признают, что: концепция *социально-экономических*

⁷ Эсдеки — члены РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия).

⁸ Эсеры — члены Партии социалистов-революционеров.

⁹ Кадеты — члены Конституционно-демократической партии.

прав – заслуга именно социалистического движения. К этой категории относятся право на труд, достойную и равную оплату за равный труд, социальное обеспечение, право на отдых и досуг, оплачиваемый отпуск, право объединения в профессиональные союзы для защиты трудовых прав.

Социалисты и рабочие организации требовали также признания прав людей на общедоступное бесплатное образование и здравоохранение, доступ к культурным благам и участие в культурной жизни общества.

По вопросу о правах «второго поколения» левым пришлось вести жесткую полемику с консерваторами и правыми либералами, которые отказывались считать эти права именно *правами*, то есть тем, что естественно принадлежит всем людям от рождения и является неотъемлемым для них. Оппоненты утверждали, что это не более, чем «притязания», благие пожелания, которые не могут быть гарантированы обществом. Но социалисты при поддержке некоторых левых либералов (таких, например, как российские «освобожденцы» доказывали, что долг общества – обеспечить своим членам не только возможность свободно говорить и участвовать в политике, но и возможность достойного существования вообще. Именно этим термином – «*право на достойное существование*» - обозначалась совокупность социально-экономических и культурных прав (разработка данной концепции активно велась, в частности, одним из теоретиков Партии социалистов-революционеров Марком Вишняком).

Подобно тому, как права человека «первого поколения» начали воплощаться в жизнь в результате революций конца XVIII века, общественному признанию прав «второго поколения» способствовали революции начала XX века, главной силой в которых был рабочий класс и крестьянство. Под воздействием революций в России, Германии, Австро-Венгрии, развития революционного движения в других странах Европы в 1919 году была образована *Международная организация труда*. Решение о ее создании приняла Парижская международная конференция, и соответствующий пункт вошел в текст Версальского мирного договора, официально завершившего первую мировую войну.

Представители ведущих государств мира вынуждены были признать и официально провозгласить: «прочный мир может основываться только на социальной справедливости». МОТ приступила к разработке международных конвенций и рекомендаций по трудовым правам (по регулированию продолжительности рабочего дня, уровню зарплат, утверждению принципа равной оплаты за равный труд, здоровых условий труда, свободы профсоюзных объединений, защиты трудовых прав молодежи, женщин и мигрантов).

В тот же период – и опять же под воздействием революционных движений трудящихся – нормы «второго поколения» прав человека начинают вводиться и в конституционное законодательство государств. Первым примером здесь стала Конституция Веймарской республики в Германии, принятая в 1919 году Учредительным Собранием, примерно половину депутатов которого составляли социал-демократы. Конституция прямо провозгласила «право на достойное существование» фундаментальным правом человека, закрепила права на труд, отдых, социальное обеспечение, свободу профсоюзов — и более того — право работников на осуществление контроля над производством и управление предприятиями, создание рабочих советов, в том числе на общегосударственном уровне и с правом экспертизы законопроектов по социально-экономическим вопросам. Конечно, это не означало автоматического осуществления всех заявленных принципов на практике, особенно в условиях послевоенной разрухи, но создавало новые, благоприятные условия для борьбы за их реализацию. Важным было то, что Веймарская конституция соединяла в себе оба поколения прав человека – политические и социально-экономические.

Этого нельзя сказать о Советской конституции, принятой в 1918 году после прихода к власти в России большевиков. В ней провозглашался широкий перечень социально-экономических и культурных прав трудящихся, но, вместе с тем, все большевистское законодательство исходило из идеи *политической диктатуры*, осуществляемой правящей Коммунистической партией. Всеобщие демократические

права и свободы были объявлены «буржуазной фикцией» и фактически упразднены, чтобы не мешали «строительству социализма», как его понимали большевики. Результатом стало всевластие партийно-государственной бюрократии, присвоившей монополию на трактовку и применение в том числе и социально-экономических прав. В условиях отсутствия гражданских и политических свобод, включая свободу профсоюзов, эти социально-экономические права сразу же стали нарушаться, а в период сталинизма трудящиеся лишились даже многих из тех завоеваний, которых добились до 1917 года. Страна вернулась к широкому использованию принудительного, подневольного труда, трудящиеся подвергались ничем не ограниченной, жестокой государственной эксплуатации, в условиях тоталитаризма вновь возникли по существу крепостнический и рабовладельческий социально-экономические уклады.

Отсюда вытекает очень важный исторический урок для движения трудящихся: *социально-экономические права имеют смысл только тогда, когда они подкреплены правами и свободами политического и гражданского характера.* Права человека первого и второго поколения теснейшим образом взаимосвязаны.

В период до второй мировой войны и гражданско-политические, и социально-экономические права и свободы не являлись частью международного права, а рассматривались как внутреннее дело суверенных государств. Лига Наций данной проблематикой не занималась, и МОТ, в частности, никак не была связана с этой основной межгосударственной организацией. Ситуация изменилась после войны. Опыт фашизма и нацизма ясно показал, что между соблюдением прав и свобод человека, с одной стороны, и поведением государств вообще, в том числе на международной арене, с другой, существует прямая связь. То, что начинается с подавления прав и свобод внутри страны, приводит затем и к агрессивным действиям вовне.

Поэтому Организация Объединенных Наций, созданная в 1945 году, объявила защиту прав и свобод человека одной из своих задач, наряду с поддержанием международного мира. В 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла

Всеобщую Декларацию прав человека, впервые провозгласившую эти права всеобщим мировым стандартом, реализовывать который призваны все государства. В Декларацию вошли права и свободы и первого, и второго поколений, а МОТ стала частью структуры ООН, значительно повысив тем самым свой статус.

Декларация и Устав ООН отразили также и дальнейшее расширение понимания прав человека – включение в их состав так называемых «*солидаристских*» прав, получивших название прав «*третьего поколения*». Это коллективные права, права народов, базирующиеся, таким образом, на третьем принципе Великой французской революции – принципе *братства*. Сюда относятся право на демократическое и социально ориентированное общественное устройство; на международный порядок, способствующий соблюдению прав и свобод; и, самое главное, *право наций на самоопределение*. Международное признание и закрепление этого права, как и прав предшествующих двух поколений, стало в очень значительной степени результатом развития революционных по своему характеру общественных движений — национально-освободительной, антиимперской борьбы в колониальных и полуколониальных странах.

В дальнейшем принципы Всеобщей Декларации получили подтверждение и развитие в целом ряде других международных документов, главные из которых — это пакты о политических и гражданских правах и об экономических, социальных и культурных правах, одобренные Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 г. («Международный билль о правах»). В 1993 г. в «Венской декларации» международной конференции о правах человека все виды прав и свобод были признаны равнозначными и взаимозависимыми. Включение этой проблематики в международное право означает, что соблюдение прав и свобод человека признано приоритетным по отношению к национально-государственному суверенитету, то есть государства *обязаны* обеспечивать их реализацию вне зависимости от своих внутренних особенностей и специфических черт своего законодательства. Так сложилось то, что именуется

«международным режимом прав человека». В Европе в послевоенный период сформировался свой региональный режим прав человека. Здесь получил признание самый широкий перечень прав и свобод, отраженный в Европейской конвенции о правах человека 1950 года. Для содействия их реализации была создана специальная организация – Совет Европы, к которому в 1996 г. присоединилась и Россия. Для граждан нашей страны вступление в эту организацию имело важные последствия: возможность обращаться в Европейский суд по правам человека, мораторий на смертную казнь и т.д. Еще более высокие стандарты в области прав и свобод человека приняты в Европейском Союзе.

Таким образом, длительная борьба за права и свободы человека, которую мы проследили, начиная с XVIII века, дала результаты. Под воздействием народных революций, демократического, рабочего, социалистического, национально-освободительного движений права и свободы получили общественное признание, а их содержание расширилось. Однако признание и даже включение в международное право еще не означает практического воплощения прав и свобод в жизнь. Даже сегодня можно констатировать, что права и свободы всех трех поколений соблюдаются и реализуются неравномерно и частично. Они по-прежнему остаются тем, за что надо бороться – в том числе и в России. Эта борьба требует ясного понимания *всеобщности, универсальной неотъемлемости* свободы и человеческих прав, а значит, преодоления тенденция «культурного релятивизма», то есть воззрений, будто права и свободы являются исключительно «западной» или «буржуазно-либеральной» концепцией, непригодной для тех или иных стран, народов и культур. Такой релятивизм свойственен как правым консерваторам, включая религиозных фундаменталистов, так и некоторых «левым», которые готовы поддерживать любые диктаторские режимы и авторитарно-тоталитарные движения, если они используют антилиберальные лозунги и прокламируют «заботу о бедняках». Однако если все люди по природе равны, то все они одинаково заслуживают достойного существования,

минимальным условием которого являются права и свободы. Ни привилегии, ни дискриминация, какие бы аргументы ни выдвигались в их обоснование, здесь не приемлемы.

Как мы видим, осознание прав и свобод человека – продукт исторического развития и общественной борьбы. И эта история еще далека от своего завершения, если она вообще когда-нибудь может завершиться. Трудящиеся являются той социальной группой, которая более всего заинтересована в дальнейшем развитии концепции прав и свобод человека в теории и на практике, в наполнении ее более широким содержанием. В частности, заслуживает обоснования право работников на пользование и распоряжение всем общественным богатством, создаваемым их трудом, свобода человека от любых видов эксплуатации. Но двигаться вперед можно, лишь защищая то, что уже достигнуто. Поэтому та совокупность политических, гражданских, социально-экономических, культурных прав и свобод, возникновению и эволюции которых было посвящено мое выступление, представляет собой естественный фундамент для дальнейшей разработки политико-идеологических принципов и программ демократического движения трудящихся.

Библиотека обществознания большинства

За справедливость и свободу. Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции (Москва. 3-4 ноября 2012) — М.: Кн. Дом «ЛИБРОКОМ». 2014.

Новые профсоюзы и демократические левые: исторические корни и идейные ориентиры. Материалы международной научно-практической конференции (Киев, 2-3 ноября 2013 г.)» — Киев. «ВТС ПРИНТ». 2014.

Петр Рябов

Анархические письма. — Изд. «Радикальная теория и практика» 2013. 193 с.

Ответственное, искреннее, пафосное и глубокое размышление о коренных проблемах анархического мировоззрения и анархического движения.

Петр Рябов

Философия классического анархизма (проблема личности) — М.:Изд. «Вузовская книга» 2007. 340 с.

Классовый профсоюз «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ» (Межрегиональный профсоюз работников высшей школы «Университетская солидарность») Устав профсоюза. Учредительная декларация профсоюза. — В периодич. изд. «Бюллетень Школы трудовой демократии» Выпуск 39. М.: ШТДР. 2015. 35 с.

Ракитский Борис Васильевич

Научный руководитель

Института перспектив и проблем страны

**Фундаментальные методологические подходы
к выработке целостного научного знания
об обществе и человеке в обществе
(то есть о человечестве как форме бытия)**

Задача научной интеграции знаний об обществе уже давно является актуальной. Вряд ли это утверждение будет оспариваться и вряд ли может быть оспорено.

Работая над выработкой целостного общественнознания, я пришёл, однако же, к пониманию *недопустимой зауженности* такой постановки научной задачи. Преодолев ряд трактовок, мешающих выработке целостного общественнознания, я вынужден был **в корне изменить саму постановку проблемы**. Основные методологические и

теоретические наработки опубликованы¹⁰. Но теперь предстоит **по-новому поставить задачу и сформулировать новые фундаментальные методологические подходы к решению задачи**. Первые результаты изложены ниже.

Ареал целостности, которая подлежит изучению, — не общество, а человечество

Возможно, категория «целостность», подлежит более глубокой разработке, нежели имеющаяся. Однако то главное, что обеспечивает целостный подход к изучению общества и человека в обществе, по-видимому, уже ухвачено. Это главное я определил бы так: **целостность** есть такая реальность, в рамках которой взаимодействия позволяют причинам и следствиям меняться местами и этим обеспечивать качественную устойчивость целого. Именно этот признак, признак особенного детерминизма, может быть взят за критерий целостности. *Начала (ипостаси), образующие целостность, находятся во взаимодействии как в конечном счёте равновлиятельные, лишь в ситуативных состояниях можно зафиксировать между ними прямые и обратные связи, их ситуативные роли причин и следствий.*

Известно, насколько марксизм и анархизм расходятся в своих представлениях о бытии общества и человека. Ни одно из этих двух миропониманий не превосходит другого. Марксизм трактует общество как целостное бытие; в понимаемое так целостное бытие он включает людей как элементы общества. Анархизм принимает за целостное

¹⁰ *Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Методологический геном будущего обществознания, потребного для общественной практики. — Периодическое издание «Обществознание большинства» Выпуск 6. М.: ИУТЭ(РУ). 2009; Ракитский Б.В. О способах и перспективах общественного бытия. — Периодическое издание «Обществознание большинства» Выпуски 7 и 8. М.: ИУТЭ(РУ). 2010, 2011; Ракитский Б.В. Общество и человек в обществе. — Периодическое издание «Обществознание большинства» Выпуск 10. М.: ИУТЭ(РУ). 2013.*

личность; он воспринимает общество по преимуществу (и по большому счёту) как ограничения для свободы личности.

Марксизм и анархизм никогда не примирятся, пока они остаются марксизмом и анархизмом. И нет нужды их мирить и «сочленять». Следует просто оставить в стороне оба эти миропонимания как недостаточно целостные. Следует отыскать тот ареал (пространство) бытия, в котором общество и личность являются равноценными, равнозначными, равновлиятельными началами.

Такая целостность — не общество и не индивид, и не сумма (не смесь, не купаж) общества и индивидов. Такая целостность — человечество.

Схема усложнения форм движения материи (форм бытия), выделяющая механическую, физическую, химическую, биологическую и, наконец, общественную (или общественно-историческую) формы движения, — неудовлетворительна. Эта схема не улавливает существенной сложности высшей формы бытия (движения). Общество и человечество — не одно и то же. Общественная форма бытия (движения) и индивидуальная форма бытия (движения) составляют начала (ипостаси) человечества как формы бытия (движения). Поэтому правильнее было бы высшей формой бытия считать человечество, а не общество. Это помогло бы, во-первых, не принижать роль индивидуальной формы бытия в жизни человечества, а, во-вторых, адекватно отражать и понимать и общество, и индивидов как равноценные взаимодействующие начала.

***Правомерно ли делить реалии бытия человечества (и общества, и личностей) на материальные и нематериальные, объективные и субъективные и к тому же противопоставлять их?
А если правомерно, то для чего?***

В накопившихся напластованиях обществоведческих знаний существенное место занимают разграничения материального и нематериального, объективного и субъективного. Эти разграничения если не ошибаюсь, активно инициированы и активно вводились сторонниками материалистического взгляда на общество и его историю.

Мне уже приходилось разбирать некоторые нюансы их подходов к объективному и материальному, к общественному и индивидуальному, к субъектному и субъективному¹¹.

К.Маркс, по свидетельству Ф.Энгельса, да и сам Ф.Энгельс, утверждая исторический материализм в борьбе с противниками, подчёркивали главный принцип, который противники отрицали. Они обосновывали *материальность общественного развития в противовес историческому идеализму*. Это сейчас обществоведы (да и то далеко не все) понимают, что главный принцип исторического материализма как мировоззрения и как методологии состоит в том, что человечество (общество) способно к самоорганизации и саморазвитию и что нет никаких надчеловеческих (надобщественных) и внечеловеческих (внеобщественных) причин (начал), которые предопределяли бы развитие человечества (общества). Это необходимо и этого достаточно для материалистического взгляда на человечество и его историю.

Но **К.Маркс усугубляет обоснование материалистического подхода**. Он объявляет закономерности общественного развития объективными в смысле их независимости от воли и сознания людей. «Не

¹¹ См. Б.В.Ракитский. *О способах и перспективах общественного бытия (историко-материалистический очерк)* — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2011. 94 с. Прошу обратить внимание на разделы: «6. Не пахнет ли такой исторический материализм идеализмом и субъективизмом? Объективное и материальное в реальности и в общественном сознании»; «7. Самоорганизация общества, обеспечивающая ему способность к самодвижению. Объективное, субъектное, субъективное как ипостаси движения общественной материи»; «9. Общественная практика в её полном объёме. Ненужность для исторического материализма деления общественных отношений на базисные и надстроечные»..

Пользуясь случаем, прошу не забывать, что в моих публикациях до октября 2012 г. содержится представление об обществе как о высшей форме движения материи. С октября 2012 г. я в корне переменяю это представление: высшая форма бытия — это человечество, а общество и индивиды — равнопорядковые начала (ипостаси) человечества.

сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹²

Имеет ли место в реальности такое взаимодействие? Конечно. Но к этому не сводится взаимодействие сознания и бытия. В бытии человечества как в целостности бытийные и сознательные начала равновлиятельны. Общественное бытие, относительно независимое от воли и сознания отдельных индивидов и даже определяющее сознание отдельных индивидов, развивается не само из себя (не по инерции бытия), а по идеям, идеалам и идеологиям, рождающимся и распространяющимся в индивидуальных сознаниях и в массовых сознаниях. Как досадно, что в 1859 г. К.Маркс не припомнил того, что написал в конце 1843 - январе 1844 г.: «...но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»¹³

И совсем уж нарочитое педалирование верховенства материального над духовным — Марксово учение о базисе и надстройке, его навечно закрепление за экономикой (в первую очередь за материальными производительными силами) роли причин (фактически первопричин) общественного и вообще человеческого развития. Повторю здесь вывод, к которому пришёл несколько лет назад:

«Считаю мировоззренчески важным и фундаментально продуктивным (существенным для практики в целом) постановку вопроса о том, какое место в понимании общественного бытия и развития занимают категории «объективное» и «материальное». В исходном историческом материализме они призваны были обеспечить отграничение от исторического идеализма и утвердить представление о внутренне присущей обществу способности к самодвижению. При попытке К.Маркса научно фундировать эти мировоззренческие новации произошла познавательная катастрофа – вырождение исторического материализма в экономический материализм (экономический детерминизм).

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Том 13. — М.: Госполитиздат. 1959. Стр. 6-7.

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Том 1. — М.: Госполитиздат. 1955. Стр. 422.

Выбираясь из трясины экономического материализма спустя 150 лет после той познавательной катастрофы, поборники историко-материалистического метода не могут игнорировать узость (при всей их масштабности) первоначальных задач, вызвавших к жизни категории «объективное» и «материальное». Сегодня можно и нужно поставить вопрос о пространстве их применения более широко. А именно: какие существенные и содержательные характеристики бытия и развития общества позволяют познать категории «объективное» и «материальное»¹⁴.

Прежние (доставшиеся нам от К.Маркса и Ф.Энгельса и вообще от времён борьбы материализма и идеализма в 19 в. и в начале 20 в.) представления об объективном и материальном нуждаются во внимательном и углублённом осмыслении, переосмыслении и развитии.

Критерий объективности, привычный для исторического материалиста, — независимость от воли и сознания, а критерий материальности — быть объективной реальностью¹⁵.

¹⁴ Б.В.Ракитский. *О способах и перспективах общественного бытия (историко-материалистический очерк)* — М.: Институт перспектив и проблем страны. 2011. Стр. 37.

¹⁵ *Определение материи (материального) как объективной реальности, данной нам в ощущениях, — весьма неточное. Материальное — не только то, что доступно уже развитому комплексу ощущений, и даже не только то, что доступно грядущему комплексу ощущений. Практика никогда не исчерпает возможности освоения (преобразования) природы, окружающего человека мира (именно поэтому истина навеки относительна). Для определения материального достаточно указать на его объективную реальность. Практика, развиваясь, расширяет круг способов ощущения (восприятия) и пространство объективно реального, втянутого в сферу практики. Но объективно реальное непомерно шире, полнее охваченного практикой (актуализированного для человечества человеческой деятельностью и тем самым давшегося в ощущениях).*

Определение материи (материального) как объективной реальности, данной нам в ощущениях, рождено в полемике с агностицизмом. Стремясь опровергнуть идею ограниченности познания, В.И.Ленин повёл полемику в плоскости «способен или неспособен человек познать всё без исключения». А необходимо и

Что значит «независимое от воли и сознания», когда мы толкуем об объективном в обществе? Что имеется в виду, если мы утверждаем объективность процессов и отношений, составляющих бытие общества и человечества вообще?

Оставим в стороне лукавство самих понятий зависимости и независимости. Они допускают размытость смысла. Пойдём от задач углублённого понимания бытия и развития человечества. Причинное пространство этого бытия и развития — не вне, а внутри человечества. Способом (универсальной формой) движения человечества (и общества как его ипостаси) является действие и взаимодействие индивидуальных и социальных субъектов. Именно в этих действиях и взаимодействиях реализуются воли и сознания. Никаких иных волей и сознаний, кроме волей и сознаний индивидуальных и социальных субъектов, не существует.

Как только мы определяем объективное как независимое от воли и сознания (от любой воли и любого сознания), мы попадаем в ловушку. Независимость от несуществующих, от мнимых волей и сознаний (от божьей воли, от абсолютного разума, например) — это одно, а независимость от воли и сознания реальных социальных и индивидуальных субъектов — это другое. Независимость от волей и сознаний реальных индивидуальных и социальных субъектов означала бы выведение всего бытия человечества из пространства реального. Такое объективное не было бы реальным и в этом смысле материальным. Абсурд налицо, а приведение к нему — способ доказательства, то есть способ опровержения исходного тезиса. Исходный же тезис, напомню, гласил: объективное в обществе и в бытии человечества есть независимое от воли и сознания.

По-моему, недопустимо рассуждать о независимости от воли и сознания безотносительно к структурности субъектного. Индивидуальные и социальные субъекты суть элементы целостности, им свойственно качество системного единства. Отношения зависимости или независимости от

достаточно было доказывать, что человечество способно познать всё, что актуально по меркам его потребностей и способностей к практической деятельности.

воли и сознания — это структурные отношения в рамках системы субъектов. При таком подходе об объективности как свойстве человеческих (и общественных в их составе) процессов и отношений можно рассуждать более предметно и определённно.

Первый аспект объективности процессов и отношений, свойственных человечеству вообще (и обществу, и личностям в частности) — это совершенная суверенность человечества (и общества, и личности) в его (их) возникновении, развитии, деградации и самоликвидации. То есть ни человечество, ни общество, ни личность не зависят от внешних для человечества воли и сознаний (типа божьей воли, божьего промысла, некоего извне определённого предназначения, абсолютной внечеловеческой идеи или абсолютного внечеловеческого разума и т.п.). Независимость означает, что человечество, общество и личность не являются результатами осуществления чьей-то надчеловеческой или внечеловеческой цели, не могут корректироваться, контролироваться, направляться и управляться никем и ничем извне человечества.

Второй аспект объективности процессов и отношений, свойственных человечеству вообще (и обществу, и личностям в частности) — сопоставление степени влиятельности взаимодействующих субъектов друг на друга и именно в этом (и только в этом смысле) зависимых и независимых друг от друга. Это всегда внутрочеловеческие взаимоотношения субъектов человечества. ***Их зависимость и независимость друг от друга (от абстрактных и реальных, реализованных воли и сознаний) всегда относительны.***

Зависят или не зависят целостные свойства человечества или, допустим, общества от воли и сознания отдельных людей? И да, и нет. Эти свойства формируются и воспроизводятся не иначе, как действиями субъектов, — и в этом отношении зависимость несомненна. Но, по законам существования целостности, свойства целого не сводятся к свойствам его элементов (начал). Свойства целостности (свойства бытия человечества или общества) приобретают относительную устойчивость, независимость от влияний (от

действий) отдельных субъектов. Одновременно с этим свойства субъектов (как индивидуальных, так и социальных), испытывая влияние (зависимость от) свойств целого, остаются относительно независимыми, обладающими определённой свободой выбора своих деятельностных характеристик (целей, способов действий, выбора допустимых или недопустимых средств, предназначения результата).

Устройство бытия человечества и устройство общества, его конституирующие качества объективны для воли и сознаний отдельных людей и общественных групп. Но существо, отличительная особенность человеческой формы движения материи – в наличии сознания и в сознательном действии, в наличии воли и сознаний. В обществе нет ничего бессознательного и безвольного кроме целочеловеческих и целообщественных качеств, поддерживаемых не иначе как сознательными, целенаправленными идеями, представлениями, стремлениями и действиями

Объективное в бытии и развитии человечества и общества осуществляется не иначе, как в форме субъектных действий, исходящих из субъективных воли, побуждений, сознаний и содержательно состоящих из их реализации.

Такова же, в принципе, и особенность материальных свойств бытия и развития человечества и общества.

Человечество как форма бытия (движения) возникло в связи с активизацией и достижением материей нового (более высокого) качества процессов отражения окружающего мира и взаимодействий с окружающим миром.. Новое качество состоит в способности сознавать, сознательно (а не только и не столько интуитивно) ориентироваться в окружающем мире, осознавать себя в окружающем мире особенно (относительно обособленно), представлять окружающий мир в ином (вероятном, идеальном) виде, то есть мысленно преобразовывать окружающий мир. Человеческая форма движения не перестала от этого быть формой движения материи. Но это уже форма движения осознающей себя материи, способной представлять окружающий мир изменённым. Материальность бытия человечества

критериально состоит в наличии целостности, закономерности, то есть в обеспеченности единства, качественной определённости и качественной устойчивости самовоспроизведения.

Резюмирую. Категории «объективное как независимое от воли и сознания» и «материальное как реально существующее, как принадлежащее бытию» были и остаются фундаментальными в онтологическом плане (в плане трактовок природы бытия. Бытие человечества материально и объективно, так как не зависит от внечеловеческих или надчеловеческих волей и сознаний в том смысле, в каком следствие зависит от причины. Это необходимо и этого достаточно для материалистического понимания человеческого бытия.

Категория «объективное как независимое от воли и сознания» не требуется при исследовании бытия человечества, общественного бытия и бытия личности. Она (категория «объективное как независимое от воли и сознания») излишне груба, абсолютизирует независимость феноменов бытия человечества от волей и сознаний, игнорирует тот факт, что воли и сознания существуют реально, а феномены бытия человечества (и общества, и личностей) в силу природы целостности в той или иной мере являются следствиями волей и сознаний.

Категория «материальное как реально сущее» должна охватывать не только вещный мир и целостные свойства человеческого (и общественного, и индивидуального) бытия, но и всё реально существующее, то есть и феномены сознания. Сложившееся в материалистических концепциях различение и противопоставление материального и духовного закрывает путь к адекватному отражению реальности. Если продолжать пользоваться различением «материальное — духовное (сознательное)» как различением парных категорий, то следует перестать трактовать материальное как реально сущее (эта трактовка слишком расширяет материальное, отличающееся от духовного). Вместо «материального» в таком случае целесообразно использовать категорию «реально сущее» или (что то же самое) «реалии бытия»).

Преодоление Марксовых усугублений исторического материализма требует этих усилий ради восстановления познавательных потенций историко-материалистической методологии.

***Целостный подход как методология,
позволяющая выработать целостное научное
знание об обществе и человеке в обществе
(то есть о человечестве как форме бытия)***

Выбор методологии

Правильно сказано, что методология — это применение мировоззрения (идеологии) в научном исследовании. В структурном обществе имеет место множественность идеологий и, соответственно, множественность методологий. Процесс истины (познание) в связи с этим партиен. В естественных науках расхождение мировоззрений практически не сказывается (или мало сказывается) на методологиях исследований. А в познании бытия человечества (и общества, и личности) расхождение мировоззрений и методологий весьма существенное, а порой и доходящее до противоположности.

В социально-структурном обществе нет и не может быть общей, единой для всех исследователей методологии исследования бытия человечества. Множественность методологий, их сосуществование (и борьба) в одном и том же обществе в одни и те же эпохи — фактическая реальность. Исключение составляет тоталитарное общество и тоталитарные эпохи. Тоталитаризм не нуждается в научном познании (что отметила ещё Хана Арендт) и узурпирует субъектность. Идеология и методология — не предмет выбора для исследователя, они предписываются тоталитарной властью для «наших учёных» (у «ненаших» — совсем иная судьба).

Обычное дело в нетоталитарном обществе — множественность идеологий и методологий. Исследователь сознательно или бессознательно осуществляет их выбор. Наиболее распространены эклектика, прагматизм, исторический идеализм и исторический материализм. На это наслаиваются диалектический или метафизический методы

мышления. Разнообразие суждений (позиций, положений, точек зрения) нередко сбивает с толку обычного нормального человека. Но профессиональному исследователю всё понятно, всё «раскладывается по своим местам». Если, конечно, он не слаб в методологии и в идеологии, то есть если он именно профессионал, а не просто «знаток» в своём предмете познания.

Школа, к которой я принадлежу, придерживается **идеологии последовательного (революционного) гуманизма**¹⁶. Последовательный (революционный) гуманизм — социалистическая идеология современной, послеиндустриальной эпохи. В сравнении с идеологией пролетарского социализма она продвинута в понимании закономерностей и движущих сил общественного развития, осознаёт ряд ключевых заблуждений социалистических учений XIX и XX веков, делает выводы из опыта социалистических революций XX века.

В науках об обществе, о человеке в обществе, о бытии человечества идеологии последовательного (революционного) гуманизма соответствует **методология диалектического материализма**.

Целостный подход. Принципы целостного контекста и актуального целостного контекста

Кредо диалектического материализма — соответствие метода познания устройству изучаемого реального бытия. Концептуально уловить (ухватить, представить себе) устройство бытия человечества и исходить в исследованиях из представлений об этом общем устройстве — такова первоначальная научная задача. Решается она не на основе провидения, ясновидения или подсказки извне реального человеческого бытия. Она решается на основе накопленного познавательного опыта человечества.

В качестве исходного общего представления об устройстве бытия человечества предлагаю брать и беру

¹⁶ См. Г.Я.Ракитская. *Последовательный революционный гуманизм как новая ступень в развитии собственной идеологии трудящихся.* — Периодическое издание «Общезнание большинства» Выпуск 4. М.: ИУТЭ(РУ). Декабрь 2007. Стр. 55-68.

представление о его целостности. **Реальное бытие человечества целостно (есть целостность).** Методология научного изучения бытия человечества, исходящая из представлений о его устройстве как о целостности, есть **целостный подход** (может быть названа целостным подходом).

Коренная особенность (требование) целостного подхода — неотступно придерживаться при предметном исследовании реального бытия **принципа целостного контекста**. На чём бы ни сосредоточивалось познание, как бы ни ставилась исследовательская задача, какой бы определённой практической нужде ни служило — словом, как бы ни ставился, ни выглядел и ни понимался предмет исследования, этот предмет не должен изучаться и быть изучен вне целостного контекста. То есть предмет не подлежит изучению как нечто, при изучении которого отвлеклись (абстрагировались) от его свойства существовать (двигаться) в составе целого. Абстрагирование (отвлечение) от связи предмета изучения с целым делает само изучение ненаучным, а полученные выводы — дефектными, недостоверными.

Для методологии наук об обществе уже не ново, что предметно изучаемое **не должно вырываться** из окружающей его действительности, а **должно выделяться в ней** для изучения. Остаётся только научиться правомерно, продуктивно, плодотворно выделять. Выделять так, чтобы никакая существенная связь выделенного для изучения с целым не могла быть упущена при изучении (то есть чтобы не произошло абстрагирование от чего-либо существенного).

Принцип целостного контекста шокирующим образом ставит вопрос о восстановлении (а, может быть, вернее будет сказать — о достижении) целостного научного знания. Принято любоваться учениями античных мудрецов и пусть наивной, но несомненной и естественной целостностью их суждений о мире (за исключением, по-моему, Демокрита). В послеантичном мире познание общества и человека в обществе пошло по пути специализации и фрагментации, утратило свойства целостного представления. Лишь в XIX веке на повестку дня вновь выдвинулся вопрос о целостном

обществознании. Но первые опыты целостного подхода были встречены в штыки, заблокированы, подвергнуты остракизму. Я имею в виду метод диалектического и исторического материализма. Попытка выработки целостного обществознания привела нас к пониманию, что принцип целостности требует идти дальше целостного обществознания. Целостное знание об обществе и о человеке в обществе может быть достигнуто лишь в составе целостного знания о бытии человечества. **Целостность, в контексте которой должны и могут плодотворно изучаться общество и человек в обществе — это реальное бытие человечества.** Как бы ни шокировал этот вывод, приходится исходить из него.

Целостный подход не отвергает различия абсолютного и относительного знания (истины). Реальное бытие человечества неисчерпаемо для познания. Однако познание есть атрибут (сторона, свойство) практики. А потому предмет познания может выделяться и реально выделяется **не в целостном контексте вообще, а в актуальном целостном контексте.** «Это значит, что целостный контекст и изучаемый предмет в этом контексте берутся не абсолютно, а относительно, а именно **применительно к задачам практики, то есть актуально.** Истина практична, процесс истины имеет положительный (конструктивный) смысл не иначе как сторона практики, для практики. Известны суждения: “Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна” или вот - “Практика есть критерий истины (истинности)”. Если эти суждения не окостеневают и не используются как потерявшие живой смысл догмы, то они верны»¹⁷

Особенности процесса истины (процесса познания), присущие целостному подходу, обеспечивают результатам познания свойства, необычные для результатов познания при других методологиях (подходах). Это касается прежде всего свойств конкретности и практической пригодности теоретического знания.

¹⁷ Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. *Методологический геном будущего обществознания, потребного для общественной практики.* — Периодическое издание «Обществознание большинства» Выпуск 6. М.: ИУТЭ(РУ). 2009. Стр. 25.

Как изучает свой предмет любая из методологий, не являющаяся целостной? Она как бы останавливает объект, расчленяет его, отделяя ту часть, которую будет изучать под своим предметным ракурсом. Она, стало быть, препарирует объект для изучения, упрощает объект, делает его частичным, неполным. Это неизбежное следствие глубокой специализации наук об обществе и человеке в обществе. Их предметы частичны, очень специализированы. Ситуация такая, как в медицине, где врачи специализируются на конкретных болезнях отдельных органов, но никто не занят здоровьем организма в целом. В общественных науках такое предметное дробление сильно отдаляет изучаемую часть объекта от реальной практики, от живой взаимосвязи в рамках практического целого. Отсюда их специфическая проблема – обрести практическую ценность, по возможности вернуть или компенсировать потерянную целостность. Решается эта проблема в последние десятилетия практически “на ощупь”: с помощью междисциплинарного подхода, многофункционального анализа, а там, где объект устроен попроще, нежели общество, — с помощью системного подхода, синэргетического подхода и т.п.

Словом, все методологии (кроме целостной) культивируют исследовательские подходы по схеме “*утратить, а потом вернуть или компенсировать*”, добыть сперва упрощённое знание, отражающее усечённый объект, часть объекта с “обрубленной частью связей”, а затем складывать из добытого частичного знания более ёмкое, более или менее приближающееся к полному¹⁸.

Знание, добытое с помощью целостного подхода, сохраняет в себе отражение связи предмета с актуальным целостным контекстом. Это изначально придаёт ему высокую меру практической пригодности. Этот вывод можно выразить и по-другому: ***сущностное знание, полученное на основе целостного метода, обладает свойствами особой конкретности.*** Конкретность в нём как бы архивирована (свёрнута) и легко и эффективно разворачивается. Это можно обозначать (трактовать) терминами “жизненность”, “практичность”. То есть это та самая хорошая теория,

¹⁸ Там же. Стр. 26-27.

практичней которой, по выражению Л.Больцмана, нет ничего. Да и то сказать: все мы по привычке к странному представлению о конкретном как о детальном описании устройства. А ведь конкретное-то - это **единство** многообразного, **целостная** полнота связей и отношений. Конкретное содержательно разнообразием единого, но не суммированного, а целостного¹⁹.

Целостный подход. О детерминизме, свойственном целостности

Представляется, что целостность конституируется (качественно определяется и воспроизводится) особенной связанностью реальных, сосуществующих в форме целостности. Для этой связанности характерна реальная возможность превращения причин в следствия, а следствий — в причины. То есть в самом устройстве целостности не содержится закреплённость за реалиями функций причин или следствий. Реалии бытия **взаимодействуют** — это необходимая и достаточная их характеристика. Быть причинами и следствиями — это их ситуативные состояния. Вполне вероятно, что связанность в целом может рассматриваться как первенствующая по сравнению с ситуативной связанностью.

Эта и другие подобные проблемы целостности в части свойственного ей детерминизма могут быть осознаны (научно поставлены) и решены лишь в ходе изучения бытия человечества целостным методом. Будем надеяться, что научное соприкосновение с реальным бытием человечества как с целостностью направит познание в русло адекватности отражения реальности.

Представляется, что ожидание такого особенного детерминизма, свойственного целостности, оправдано признанием субъектного и субъективного в качестве реального бытийного. Выше уже говорилось о правомерности и необходимости такой перемены в представлениях об ареале целостности.

¹⁹ Там же. Стр. 27.

Представляется также, что реалии бытия, охваченные детерминизмом целостности, не обладают таким детерминизмом в своём внутреннем устройстве. В их внутреннем устройстве причинно-следственные связи могут оказаться (и, скорее всего, являются) более устойчивыми и консервативными, чем в целостности. Именно поэтому конкретные реалии бытия оказываются, в отличие от целостности, не бесконечно воспроизводимыми. И это тоже одна из важных гипотез относительно детерминизма, свойственного целостности.

Следствие первое.

Недопустимость метода «клеточки» как исходного пункта выработки и изложения целостного научного знания об обществе и человеке в обществе (то есть о человечестве как форме бытия)

«Капитал» (экономическое учение) К.Маркса выстроен методом избрание исходным пунктом исследования товара как «клеточки» капиталистического общества. «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара»²⁰.

Этот метод — «Клеточки» — поражал воображение многих последователей и толкователей К.Маркса и всегда казался удобным и безупречным читателям «Капитала». При внимательном рассмотрении (а особенно при попытках научной систематизации знаний) обнаруживается, что метод этот уже в «Капитале» потерпел очевидное фиаско. Как говорится, где сели, там и слезли, но отломав далёкую дорогу.

В самом деле: К.Маркс взял товар как элементарную форму капиталистического богатства, препарировал товарные отношения, выстроил логику их развития и обнаружил деньги как продукт этого развития, как товар-

²⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Том 23. — М.: Госполитиздат. 1960. Стр. 43.

всеобщий эквивалент. Только и всего. За пределы «скопления товаров» это исследование выйти не даёт. И уже следующий вопрос: «Как и почему деньги превращаются в капитал?» К.Марксу приходится решать совершенно произвольно. Даже сама постановка проблемы содержит в себе изъян: как бы предполагается (или утверждается «по умолчанию»), что капитализм возник, когда деньги стали большими.(деньги, по К.Марксу, как «последний продукт товарного обращения есть первая форма проявления капитала»²¹; на деньгах К.Марксу чудится печать капитала). Нет, не так всё было, не так возник капитализм, не как превращение большого количества денег в капитал²². Но не об этом сейчас речь. Речь сейчас о том, что метод «клеточки» в принципе непригоден для выработки целостного знания.

Отдельная реальность целостного бытия не обладает и не может обладать полным составом свойств и связей целого (даже в свёрнутом виде). «Свёрнутый вид» целого — это абстракция целого, а не один из типичных реальных «кирпичиков», из которых якобы сложено целое (так понимают мир только физики-метафизики). К.Маркс и комментаторы его метода в «Капитале» полагают, что в «Капитале» представлено восхождение от абстрактного к конкретному, от простого к сложному. Это очевидная «подача» фактического как желаемого. Мы видим в «Капитале» лишь попытку восхождения от фрагмента к общей картине. Феномен товара не есть абстракция капиталистического хозяйства, а ещё менее — капиталистического общества. Иначе К.Марксу не пришлось бы декларировать (вместо логического вывода) превращение денег в капитал; иначе ему удалось бы развить доказательную теорию эксплуатации (а фактически в «Капитале» — не удалось); иначе он не свёл бы капитализм к рынку и т.д. Феномен «товар», выданный К.Марксом и выдаваемый марксистами за абстракцию капитализма,

²¹ Там же. Стр.157.

²² См. статьи Б.В.Ракитского «Капитал»: «Капитализм»: «Капиталисты» — Периодическое издание «Энциклопедия трудящегося и эксплуатируемого народа». Выпуск 14. М.: 2013.

оказался абстракцией ненаучной, ибо произошло абстрагирование от свойств целостности. Капитализм как целостность — вовсе не только товарно-денежное (рыночное) хозяйство. Остальные сущностные свойства капитализма оказались «отключёнными». Именно поэтому либеральный фундаментализм, бывает, похваливает экономическое учение К.Маркса. Ещё бы! Ведь К.Марксу совершенно не потребовалась классовая борьба для объяснения ключевых категорий и отношений капитализма. Даже заработная плата объясняется К.Марксом без привлечения противоположности классовых интересов и действий: просто как купля-продажа рабочей силы и отношения при этом продавцов и покупателей этого товара²³.

Никакая отдельная реальность бытия не должна быть взята как научная абстракция бытия как целого. Гипотеза об особенностях детерминизма, присущего целостности, — дополнительный довод в пользу этого же утверждения. Метод «клеточки» (как исходного пункта научного анализа) для выработки целостного знания непригоден.

Вместе с тем нет оснований подвергать сомнению метод восхождения от абстрактного к конкретному, от простого к сложному знанию. Просто на роль и функцию исходного абстрактного и простого не годится никакая конкретная реальность («клеточка», фрагмент, «элементарная форма»).

Следствие второе.

Недопустимость так называемого междисциплинарного подхода при выработке целостного научного знания об обществе и человеке в обществе (то есть о человечестве как форме бытия)

Междисциплинарный подход один из суррогатов целостного подхода. Попытки использовать суррогаты целостного подхода — бесперспективны, тупиковы и небезвредны. Прежде всего это относится к методам агрегирования эмпирических знаний и к конструкциям междисциплинарного знания. Они не имеют шансов когда-либо дорасти до качественной высоты целостного знания (и

²³ Здесь, кстати сказать, К.Маркс пошёл не вперёд, а назад в сравнении с А.Смитом и с Джоном С. Миллем.

это, вроде бы, не следует повторно объяснять). Более того, они в своём прогрессе не приближаются к целостному знанию, а удаляются от него. Они безнадёжно, необратимо метафизичны. Они — игра в кубики знаний, упражнения в суммировании фрагментов, среди которых не хватает и всегда не будет хватать тех, которые обеспечивают движение, жизнь, развитие. Целостность обладает свойством ухватывать причины движения, движущие силы не по отдельности, а в динамичном взаимодействии.

Следствие третье.

Необходимо крайне осмотрительно отнестись к системному подходу. Минимальные условия тождественности целостного и системного подходов

С появлением теории систем возник и пропагандируется системный подход. Почвой, на которой он возник и развился, были естественные науки и особенно технические науки. Из-за этого вероятность метафизичности системного подхода с самого начала была крайне высокой. В конкретных применениях общей теории систем и системного подхода это может быть обнаружено сплошь и рядом.

Кроме того, свойственное общей теории систем представление об иерархичности систем («каждая данная система является подсистемой большей системы») упирается в решение проблемы целеполагания. Каждая данная система обретает свои цели (и не только цели, но и критерии допустимости способов функционирования) как форму связанности с большей системой. Ну, а как обретает цели и критерии допустимости способов функционирования самая большая система? Системный ум, как правило, впадает в замешательство и допускает внешнее, надсистемное целеполагание. То есть впадает в идеализм, вместо того, чтобы допустить самоорганизацию большой системы.

Но сам по себе системный подход не закрыт для диалектического мышления и для материалистического понимания законов движения бытия.

Первое неперемное условие при котором целостный подход и системный подход могут быть тождественными, — метод диалектического материализма. Второе столь же неперемное условие их тождественности — понимание целостности как реальности, для которой свойствен особенный детерминизм — детерминизм взаимодействий, в которых причины и следствия реально способны меняться местами.

Следствие четвёртое.
Проблема достижения соответствия
меры необходимой и достаточной целостности
знания и меры его необходимой и достаточной
практичности

Отмеченные преимущества целостного подхода вовсе не обеспечивают ему свойства давать абсолютные знания. Об этом речь не должна вестись. Проблема в достижении не абсолютного, а практически эффективного знания. Целостный подход открывает принципиальную возможность такого процесса познания, который непрерывно обеспечивает практически эффективное знание. Однако эта возможность не реализуется автоматически. Возможность открыта, но как её реализовать?

В самом деле, знание, добытое в исследованиях на базе целостной методологии, может оказаться практически неэффективным. Что это означает: фиаско самого подхода или изъян в его применении? Сам по себе подход (как таковой) не содержит внутри себя каких-либо препятствий для непрерывно эффективного познания. Изъян следует искать в применении подхода исследователем. В общем виде этот изъян всегда связан с недостаточностью целостности, с тем, что исследователь посчитал некие взаимосвязи объекта несущностными для предмета, тогда как в действительности они оказались сущностными. То есть исследователь вывел

предмет из актуального целостного контекста и тем лишил результат эффективной практической конкретности.

Стало быть, при пользовании целостным подходом перед исследователем всегда стоит задача соблюдения меры целостности знания как меры необходимой и достаточной практичности.

Проблема “раздвижения” целостного до достаточно целостного, или (что то же) проблема удержания предмета в пространстве актуального целостного контекста — это проблема охвата всего существенного для практики, проблема обеспечения достаточной (практически актуальной) конкретности и теоретического, и прикладного знания.

Библиотека обществознания большинства

Галина Вишневская

ГАЛИНА. История жизни. — Москва. «Горизонт» и СП «Слово». 1991. 575 с. Первые издания — 1984 (англ. США); 1985 (русс. Париж).

Книга правдиво освещает обстановку и атмосферу жизни в тоталитарном СССР.

Ракитский Б.В.

Общество, в котором мы жили в СССР. — Периодическое издание «Перспективы и проблемы России». Выпуск 12. М.: Институт перспектив и проблем страны. 1999. 78 с.

Кузнецова Т.Е.

Печали и радости моего военного детства. — М.: Институт экономики. 2015. 47 с.

Давид Мандель

Классовый профсоюз во Всеволожске (первичная профсоюзная организация Межрегионального профсоюза работников автомобильной

промышленности в ЗАО «Форд Мотор компании», 2005-2012) — М.: Школа трудовой демократии. 2013. 139 с.

Давид Мандель

Российские революции начала XX века (1900-1921 гг.
Учебник (по программам высшего классового образования).
— М.: Школа трудовой демократии. 2010. 195 с.

Научная литература

Периодическое издание
Обществознание большинства. Выпуск 13

Интернациональный университет трудящихся и
эксплуатируемых (Рабочий университет)
Россия 119361 Москва, Озёрная улица 25 - 287
E-mail university-w@yandex.ru

Подписано в печать 25.07.2015 Объём 67 стр. (3,1 п.л.)
Тираж 300 экз. Распространяется бесплатно
Отпечатано на собственном ризографе